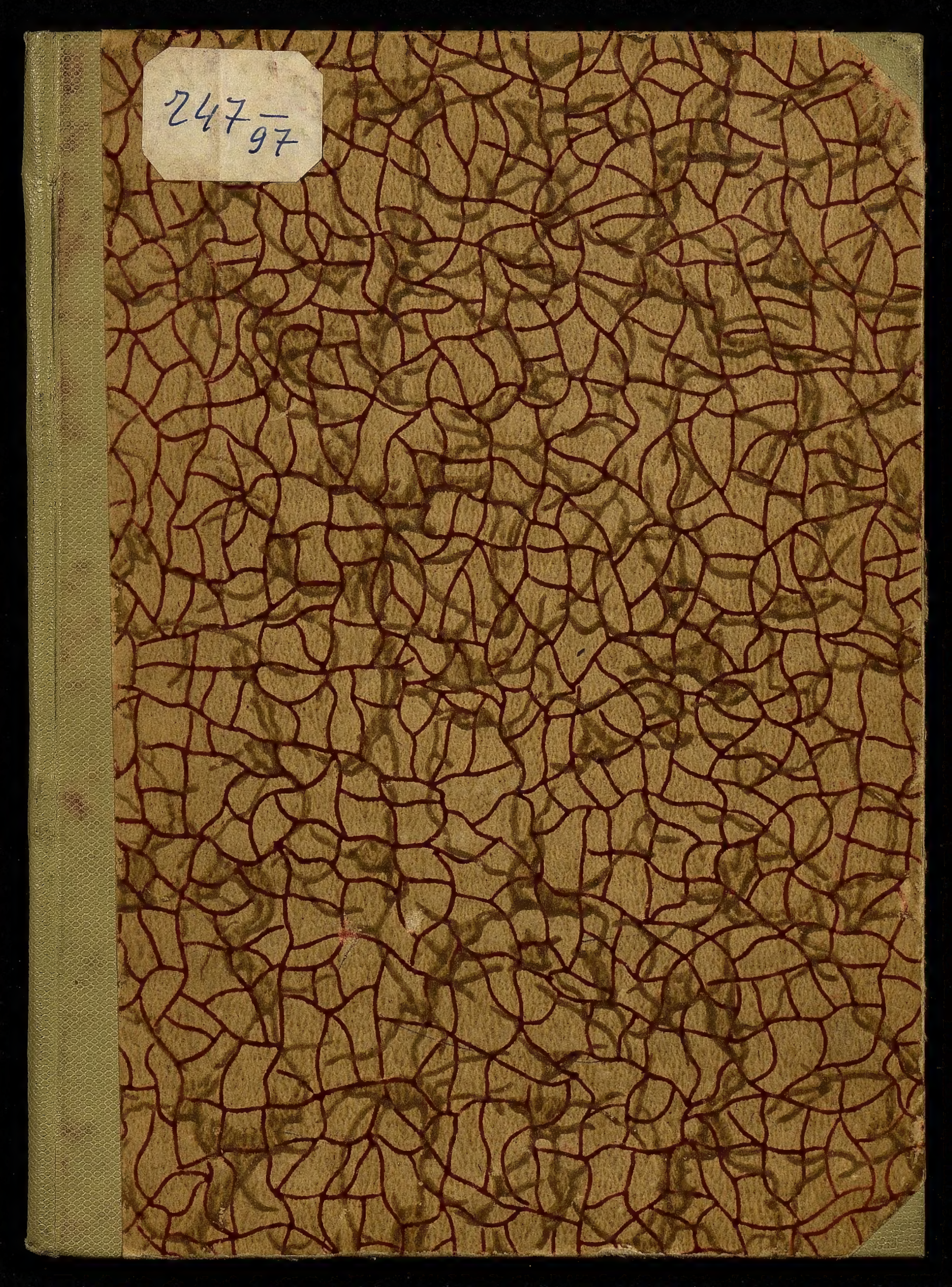
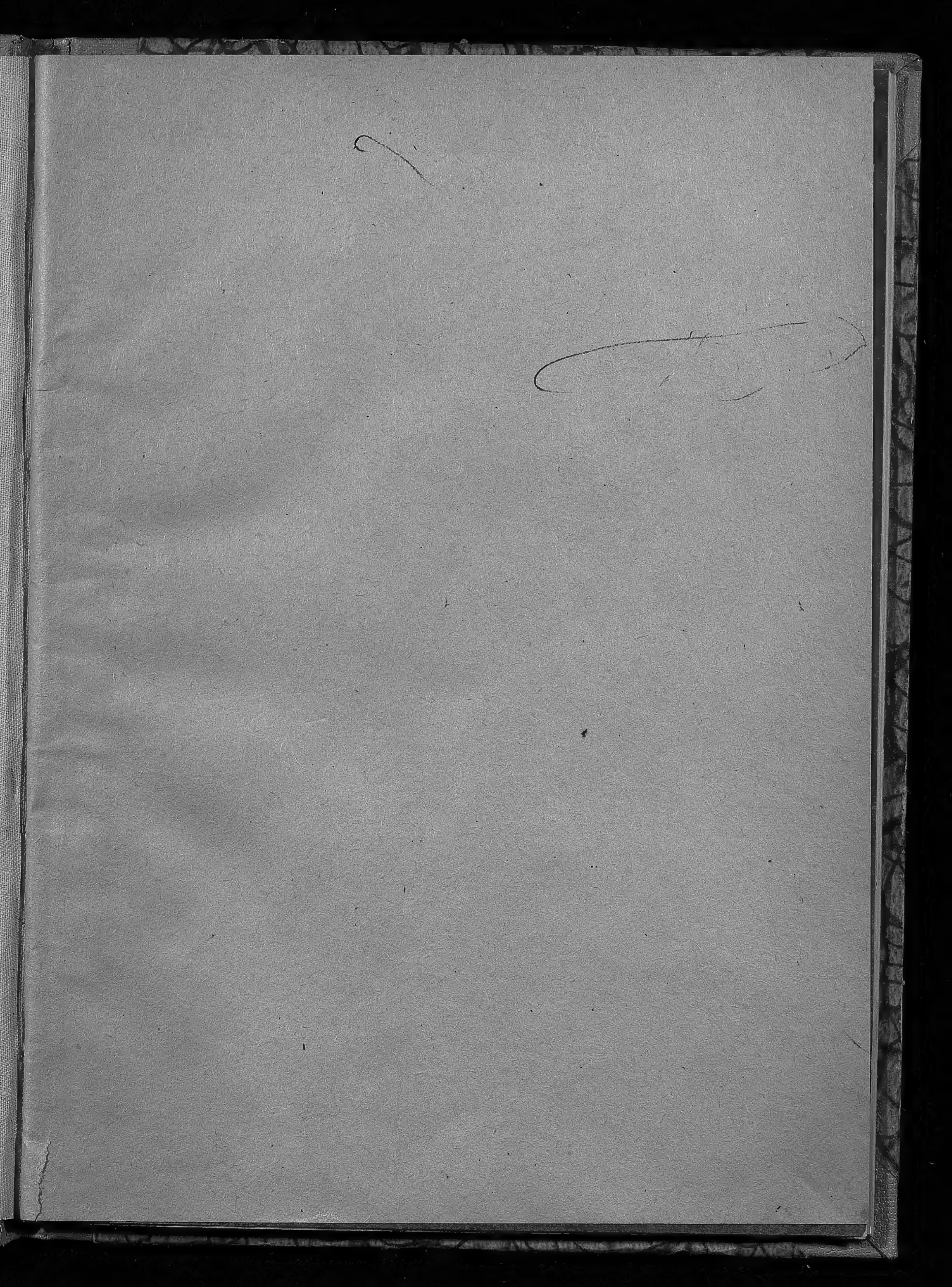

247/97

247/97

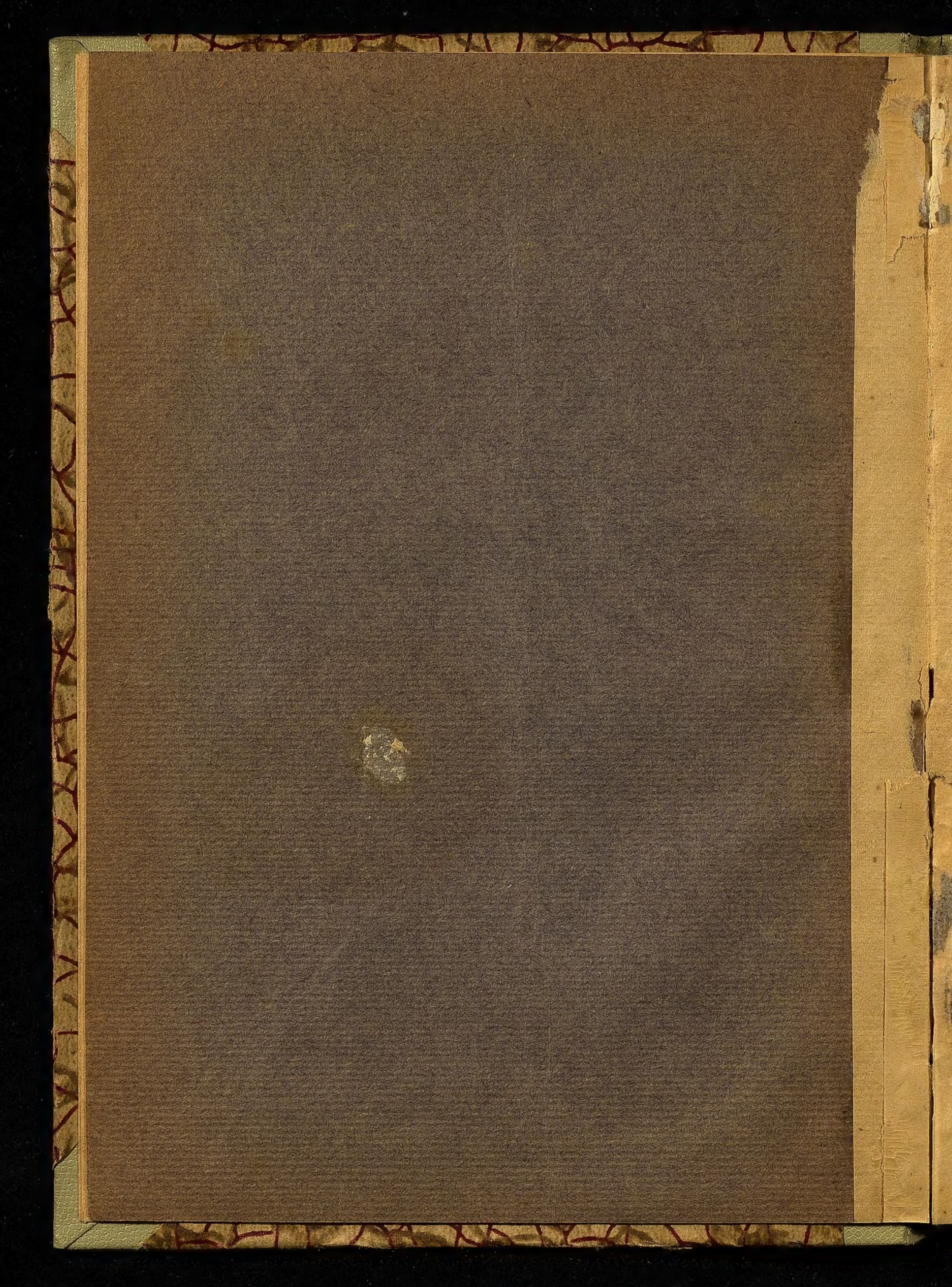
И. И. Орловскій.

СМОЛЕНСКЪ
ВЪ ИСТОРІИ
ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
Смоленской Ученой Архивной Комиссіи.

Н. з. загл.

СМОЛЕНСКЪ.
Губернская Типографія.
1913.

ДАР
Коровкина П. П.

И. И. Орловскій.

СМОЛЕНСКЪ
ВЪ ИСТОРІИ
ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
Смоленской Ученой Архивной Комиссіи.

СМОЛЕНСКЪ.
Губернская Типографія.
1913.

Печатается съ разрѣшенія Начальства.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 34368 1963

Отъ Смоленской Ученой Архивной Комиссіи.

Покойный авторъ «Смоленской стѣны» И. И. Орловскій, имѣя въ виду наступленіе въ 1913 г. трехсотлѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ, издалъ въ Памятной книжкѣ Смоленской губ. на 1904 г. свою брошюру «Смоленскъ въ исторіи Дома Романовыхъ». Брошюра эта замѣчательна не только тѣмъ, что отводитъ Смоленску столь видное, почетное мѣсто въ исторіи Дома Романовыхъ, а слѣдовательно и въ исторіи Россіи за послѣдніе три вѣка, но и тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ довольно большое количество не обслѣдованнаго еще историками матеріала.

Принимая во вниманіе, съ одной стороны, столь важное научное значеніе указанной брошюры, съ другой—желая почтить память покойнаго И. И. Орловскаго за его высоко цѣнную дѣятельность, какъ историографа Смоленска и какъ Товарища Предсѣдателя Смоленской Ученой Архивной Комиссіи въ первый годъ ея существованія, — Комиссія отношеніемъ, отъ 21 апрѣля сего 1913 года за № 85, возбудила ходатайство предъ Департаментомъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ ассигнованіи 300 рублей на изданіе названной брошюры И. И. Орловскаго, каковое ходатайство и удовлетворено (отношеніе Департамента Общихъ Дѣлъ, отъ 7 іюня за №

17175). На исходатайствованную сумму Комиссія пріобрѣла отъ вдовы покойнаго право изданія брошюры «Смоленскъ въ исторіи Дома Романовыхъ» и издаетъ эту брошюру вновь, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она издана впервые самимъ авторомъ. Комиссія надѣется, что брошюра найдетъ самое широкое распространеніе не только среди Смоленскаго общества, для котораго главнымъ образомъ предназначалъ ее покойный И. И. Орловскій, но и среди другихъ многочисленныхъ читателей.

Комиссія.

СМОЛЕНСКЪ

въ исторіи Дома Романовыхъ.

16 мая 1903 г. торжественно отпраздновали 200-лѣтній юбилей основанія Петербурга, съ именемъ котораго у насъ обыкновенно связываютъ представленіе о началѣ нашего культурнаго развитія. Въ юбилейныхъ рѣчахъ и замѣткахъ развивали преимущественно эту мысль. Забывали только, что и основаніе Петербурга, и реформы Петра, и самая его личность—все это не было въ нашей исторіи явленіемъ случайнымъ и неожиданнымъ. Все это было продолженіемъ того культурнаго теченія, которое началось на Руси еще при Іоаннѣ III и сдѣлалось руководящимъ началомъ дѣятельности русскаго правительства со вступленіемъ на престолъ новой династіи.

Это теченіе шло къ намъ съ запада черезъ Чехію, Польшу и Литву на Смоленскъ. Въ продолженіе двухъ вѣковъ, если не болѣе, Смоленскъ былъ для Руси «дверью» въ Европу, пока въ 1703 году Петръ не прорубилъ туда свое «окно». Объ этомъ не вспомнили на юбилеѣ Петербурга, такъ какъ все вниманіе было обращено на юбиляра. Въ 1913 году предстоитъ 300-лѣтній юбилей Дома Романовыхъ, съ которымъ тѣсно связана исторія нашего культурнаго развитія, исторія Новой Руси. Это—удобный случай, чтобы вспомнить о культурной роли Смоленска въ нашей исторіи. Кромѣ того, генеалогія Дома Романовыхъ еще не разработана, не выясненъ даже путь, по которому нужно идти въ этой разработкѣ. Исторія Смоленска и въ этомъ вопросѣ можетъ дать намъ руководящую нить.

I.

Въ архитектурныхъ сооруженіяхъ имѣются такія части, которыя, будучи иногда даже незамѣтными для простого взгляда, составляютъ тѣмъ не менѣе опору зданія, сердце его. Стоитъ лишь уничтожить такую часть, вынуть ее,—и всѣ связи между остальными частями зданія прервутся, нарушится соразмѣрность и равновѣсіе этихъ частей,—и зданіе грозитъ упасть. Таковъ «замóкъ» въ сводахъ башенъ и готическихъ храмовъ.

Въ политическихъ зданіяхъ, въ государствахъ народовъ, замѣчается подобная же структура и подобный же законъ, обусловливающій ихъ существованіе. Въ каждомъ государствѣ есть такой пунктъ, который можно назвать Ахиллесовой пятой его: это—какая-нибудь область или городъ, который благодаря своему географическому положенію и значенію историческому, экономическому и т. п., является замкомъ или, какъ принято выражаться, ключемъ къ государству. Владѣющій этимъ ключемъ можетъ считать себя хозяиномъ страны. Цѣлые вѣка сосѣдніе народы борются изъ за обладанія этимъ ключемъ; онъ переходитъ то къ одному, то къ другому, и соотвѣтственно съ этимъ возвышаются или падаютъ борющіяся стороны.

Такимъ ключемъ-городомъ въ Русскомъ государствѣ издавна былъ Смоленскъ. Вотъ что говоритъ о его политическомъ значеніи глубокопроницательный историкъ нашъ С. М. Соловьевъ.

«Изъ положенія Смоленска (между тремя главными частями Руси—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Русью)—легко видѣть важное значеніе Смоленской области: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ Южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи Юго-западной Руси, борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжской областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ

служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою, Русью; почему ни Московское, ни Литовское (польское) правительства не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска» (I, 22).

По Андрусовскому договору 1667 года Смоленскъ навсегда отошелъ къ Москвѣ, и этимъ закончилась великая борьба между Россией и Польшей. Андрусовское перемиріе, говоритъ Соловьевъ, было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ доконченіемъ давняго спора. Россія покончила съ Польшей, успокоилась на ея счетъ, перестала ея бояться и обратила все свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ о преобразованіяхъ, о пріобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Въ то время какъ для Польши, съ потерей Смоленска, начинается продолжительная, почти полуторовѣковая агонія, закончившаяся политической смертью этого государства,—для Руси съ этого момента занимается заря новой жизни, полной могучихъ силъ и блестящихъ надеждъ. Андрусовское перемиріе служитъ, такимъ образомъ, гранью между Древнею и Новою Россіей (III, 187), и межевымъ столбомъ на этой грани является древній Смоленскъ.

Но историческое значеніе его этимъ не исчерпано. Закончивъ собою періодъ внѣшняго роста Руси, періодъ ея политическаго объединенія, Смоленскъ и въ слѣдующую эпоху, эпоху внутренняго развитія Руси, выступаетъ на службѣ государству въ качествѣ главнаго проводника на Русь новыхъ жизнедѣятельныхъ, плодотворныхъ идей, забытыхъ было нами подъ гнетомъ татарскаго ига. Потребность въ этихъ идеяхъ почувствовалась Русью въ тотъ моментъ, какъ пало татарское иго, и уже тогда Русь стала обращаться къ Западу, какъ источнику, гдѣ эти идеи продолжали существовать и развиваться безпрепятственно, такъ какъ грозившій ихъ развитію татарскій ударъ Русь всецѣло приняла на себя. Западъ, такимъ образомъ, былъ въ долгу у Руси; теперь она начала только выбирать этотъ долгъ. Посредникомъ между Русью и Западомъ явился Смоленскъ, черезъ который пролегала большая дорога съ Запада на Москву.

По этой дорогѣ издавна везли въ Москву изъ Пруссіи и Польши разные товары: сукна, полотна, пряжу, рукавицы и перчатки, драгоцѣнные металлы и камни, предметы роскоши и домашняго обихода, пряности, вина и сласти, бумагу и пергаментъ, сабли, оружіе и воинскіе доспѣхи, сѣру, селитру и порохъ. Литовскіе и польскіе короли особенно заботились о Смоленской торговлѣ и надѣлили городъ Магдебургскимъ правомъ. Здѣсь были таможни съ жидами въ качествѣ мытниковъ (или мытарей), торговыя заставы и т. п. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ купцы московскіе, новгородскіе, псковскіе, Смоленскіе, бѣльскіе, торопецкіе, вяземскіе «и всѣхъ городовъ» ѣздили торговать въ Литву «Смоленскою дорогою». Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ всѣ привиллегіи, данныя Смоленску Сигизмундомъ и Владиславомъ, а по договору 1678 г. постановлено продолжать торговыя сношенія съ Польшей. Въ 1689 г. прусскій посолъ Чапличъ ходатайствовалъ у царей Петра и Іоанна о свободномъ проѣздѣ прусскихъ купцовъ въ Смоленскъ для торговыхъ дѣлъ. Въ 1697 г. по Кенигсбергскому договору бранденбургскіе купцы получили право свободнаго въѣзда въ Смоленскъ съ товарами и т. д.

По этой же большой Смоленской дорогѣ постоянно ѣдутъ въ Москву иноземные послы, многіе изъ которыхъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуютъ о важномъ политическомъ и торговомъ значеніи Смоленска, о богатствѣ его жителей, величіи его храмовъ и монастырей, крѣпости города и т. д. По словамъ Лизека, мѣсто воеводы Смоленскаго дается самому довѣренному вельможѣ или родственнику царя; а Корбъ сообщаетъ, что всякій иностранецъ, ѣхавшій на Москву черезъ Литовскій рубежъ, долженъ былъ представляться Смоленскому воеводѣ; послы же обязательно предъявляли ему свои паспорта. Ихъ обыкновенно встрѣчали на границѣ русскіе пристава съ стрѣлецкими отрядами и чрезъ Смоленскъ отправляли къ Вязьмѣ и Москвѣ.

Всевозможные мастеровые и промышленные люди, всякіе такъ называемые «знатцы» и искусники ѣдутъ въ Москву чрезъ Смоленскъ; и вмѣстѣ съ ними по Смоленской дорогѣ идетъ на Русь широкая волна Европейской образованности и культуры. Смоленскъ, издревле книжный городъ, городъ княжескихъ и епископскихъ школъ, городъ «спи-

сателей» и ученыхъ, въ родѣ преп. Авраамія, еп. Климента, «подобнаго которому еще не было на Руси по учености», еп. Іосифа Салтана и проч. и проч.,—былъ для новой Руси источникомъ книжныхъ богатствъ.

Ордынъ-Нащокинъ, учредившій для государственныхъ и торговыхъ нуждъ первую въ Россіи регулярную почту съ почтмейстеромъ въ Смоленскомъ селѣ Мигновичахъ, вывозилъ изъ Смоленска книги пудами. Въ ноябрѣ 1669 г. взято отсюда 82 книги латинскихъ, черезъ мѣсяцъ 128 книгъ польскихъ и латинскихъ, въ 1672 г. еще нѣсколько книгъ и русскихъ рукописей (взятыхъ у соборнаго протодіакона). Въ концѣ этого года «государю вѣдомо учинилось, что въ Смоленскѣ, въ приказной избѣ и въ казенныхъ амбарахъ и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ есть старинныя книги на польскомъ и латинскомъ языкѣ». Велѣно ихъ сыскать, переписать и отвезти въ Москву. На этотъ разъ нашли только 16 книгъ. Всѣ онѣ положили начало библіотекѣ Посольскаго приказа, принадлежащей теперь Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. [1])

Извѣстія объ этихъ книжныхъ богатствахъ въ наше время дали поводъ иностранцамъ къ розыскамъ въ Кремлѣ «библіотеки царей» и къ пылкимъ надеждамъ на возникновеніе, въ случаѣ удачи, новой эпохи возрожденія.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что Западно-Европейская цивилизація широкой непреодолимой струей вливалась черезъ Смоленскъ на Русь со всѣми своими хорошими и дурными сторонами (ибо черезъ Смоленскъ впервые въ 1595 г. было ввезено однимъ купцомъ «на 15 рублевъ картовъ», а другимъ тогда же «30 дюжинъ картовъ»). Мы привели только нѣсколько фактовъ въ доказательство культурной роли Смоленска, но такихъ фактовъ множество, и подобное, обстоятельное уясненіе этой роли требуетъ особаго широкаго изслѣдованія...

II.

Новый преобразовательный періодъ Русской исторіи требовалъ и новыхъ работниковъ. Созидатели политическаго могущества и единства Руси, Московскіе цари и ихъ бояре,

---

[1]) С. Бѣлокуровъ. „О библіотекѣ Московскихъ государей“, 35, 36.

члены великаго дома Рюриковичей, сдѣлали свое дѣло и сошли со сцены. Для новаго дѣла нужны были и новые люди съ новыми же историческими, родовыми и культурными преданіями и навыками. Рюриковичи—князья и ихъ бояре,—соотвѣтственно потребностямъ времени, работали исключительно въ одну сторону: они ковали и только ковали крѣпкій остовъ могучей машины—Русскаго государства; имъ некогда было заниматься устройствомъ внутренняго ея механизма, шлифовкой его частей, отдѣлкой деталей и приведеніемъ его въ ходъ спокойный, стройный и мирный, безъ шума и остановокъ. Для этого нужны были особые мастера, съ особыми знаніями и умѣньемъ.

Такихъ людей Русь получила въ лицѣ новой династіи Романовыхъ и въ лицѣ ихъ сотрудниковъ—новыхъ бояръ.

Если у Рюриковичей культурная работа въ обще-европейскомъ направленіи существовала въ видѣ единичныхъ робкихъ попытокъ, преимущественно въ военно-техничес-кой области жизни, то у Романовыхъ такая работа проникаетъ всю ихъ дѣятельность, является главнымъ дѣломъ ихъ жизни и правленія съ первыхъ же дней царствованія Михаила Ѳеодоровича. Могучая богатырская фигура Петра заслонила собою въ глазахъ русскаго общества первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ, но стоитъ прослѣдить ихъ жизнь по такому обстоятельному и кропотливому труду, какъ исторія Соловьева, чтобы ясно представить себѣ цѣльную картину ихъ жизни и дѣятельности, проникнутую до мелочей тѣмъ же духомъ, тѣми же началами и задачами, какъ и дѣятельность Петра. Отношенія, интересы, рѣчи ихъ такъ мало похожи на то, что мы привыкли представлять себѣ при имени до-Петровской Руси, что новизна этого впечатлѣнія съ перваго разу поражаетъ наблюдателя, словно какое-нибудь неожиданное открытіе.

Древняя Русь кончилась не съ русскими кафтанами и горлатными шапками, а много раньше—съ послѣднимъ изъ Рюриковичей. Смоленскій помѣстный владѣтель Борисъ Годуновъ стоитъ на границѣ между древнею и новою Русью, которую повели впередъ представители дома Романовыхъ.

Ихъ правоспособность къ этому дѣлу, соотвѣтствіе ихъ настроенія и взглядовъ новымъ требованіямъ и задачамъ русской жизни блистательно доказаны реформой Петра, не

смотря на свою тяжесть легко перенесенной Русскимъ народомъ, поддержанной имъ и одобренной! До сихъ поръ имя «царя Петра»—одно изъ самыхъ любимыхъ и популярныхъ въ русскомъ народѣ, окружившемъ его ореоломъ величія, геройства, справедливости и великодушія въ своихъ сказаніяхъ, пѣсняхъ и легендахъ.

Откуда же нашла новая династія силы для новаго дѣла? Когда и какъ культурныя преданія усвоены были этимъ русскимъ стариннымъ боярскимъ родомъ, и чѣмъ они питались и поддерживались, облекаясь въ реальныя формы жизни?

О происхожденіи рода Романовыхъ сохранилось весьма мало свѣдѣній. Родословныя книги говорятъ, что родоначальникъ этой фамиліи, Андрей Ивановичъ Кобыла, былъ сынъ Прусскаго князя и потомокъ перваго царя Латышскаго Видвута, что отецъ его выѣхалъ въ Россію съ двумя своими сыновьями и здѣсь крестился въ 1287 г. *). У Андрея былъ братъ Шевляга и сынъ Ѳеодоръ Кошка, у Ѳеодора сынъ Иванъ, у Ивана—Захарій, у Захарія—Юрій, у Юрія—Романъ, у Романа—Данило, Долматъ и Никита (Кар. VIII, пр. 164).

Въ «исторіи о царяхъ» дьяка Грибоѣдова (XVII в.) сказано: «въ древнихъ лѣтѣхъ (выѣхалъ) въ Россійское царствіе изъ Прусскія земли Государя прусскаго сынъ, Андрей Ивановичъ Романовъ, а прусскіе Государи—сродники Августу, кесарю Римскому (Сол. III, 769).

Цѣль труда Грибоѣдова—вывести родъ Романовыхъ отъ Августа, и этимъ опредѣляется достоинство приведеннаго извѣстія. Грибоѣдовъ слѣдовалъ всегда существовавшему у насъ обычаю—для доказательства знатности чьеголибо рода выводитъ его изъ-за границы въ томъ разсчетѣ, что все «заграничное» находитъ больше почета и дороже цѣнится, чѣмъ свое родное.

Намъ важно въ этомъ извѣстіи указаніе на Пруссію.

---

*) Извѣстно, что около 1280 г. прибылъ въ Россію потомокъ перваго литовскаго князя Вейдевута, владѣтеля Самогитіи, Гляндa Дивоновичъ Камоило, побѣжденный герцогомъ Мазовскимъ Конрадомъ. Онъ привезъ съ собою гербъ, доставшійся его потомкамъ, свидѣтельствующій о его владѣтельномъ происхожденіи. Въ 1287 г. онъ крестился съ именемъ Іоанна, (Энц Словарь Старчевскаго IX, 136).

Почему фигурируетъ здѣсь именно Пруссія, а не Скандинавія, не Римъ, не Византія? За Византію должна бы говорить наша съ нею древняя связь и идея, нашедшая себѣ выраженіе въ усвоеніи аттрибутовъ власти Византійскаго царя, въ самомъ титулѣ царя, въ обрядѣ коронованія. Изъ Рима наши легенды выводятъ нѣсколькихъ святыхъ (Меркурій Смол., Антоній Новгор.); Москва—третій Римъ. Скандинавія—родина Рюриковичей, съ которыми хотѣли связать родъ Романовыхъ. Но Грибоѣдовъ беретъ не Византію, не Римъ, не Скандинавію, а Пруссію. Не отразилось-ли въ этомъ смутное воспоминаніе или даже современное указаніе на тотъ путь, по которому Романовы пришли въ Москву? Если они шли сюда съ запада, если ихъ родичи разселились и жили по этому пути, то удобно ли было выводить ихъ корень съ сѣвера, юга или юго-запада?

Мы сказали, что дорога съ запада въ Москву изстари шла на Смоленскъ. Обращаясь къ исторіи дома Романовыхъ, мы дѣйствительно видимъ членовъ этого рода на этомъ пути; имена ихъ такъ или иначе связаны съ исторіею Смоленска и его области.

Вотъ родословная дома Романовыхъ:

1) Андрей Кобыла (XIV в.).
2) Ѳедоръ Андреевичъ Кошка (XIV в.).
3) Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ (XIV—XV в.).
4) Захарій Ивановичъ Кошкинъ (XV в.)
5) Юрій Захарьевичъ Кошкинъ (XV—XVI в.)
6) Романъ Юрьевичъ Захарьинъ-Кошкинъ (XVI в.)
7) Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ († 1586)
8) Ѳедоръ Никитичъ Романовъ (п. Филаретъ).
9) Государь Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Первымъ исторически извѣстнымъ лицомъ этого рода является А н д р е й И в а н о в и ч ъ К о б ы л а. Если это тотъ Андрей Іоановичъ, котораго Грибоѣдовъ выводитъ изъ Пруссіи, то можно догадаться, откуда онъ пришелъ въ Москву на службу Великаго князя. Смоленская земля, лежавшая отъ Москвы на западъ, въ сторону Пруссіи, въ XIV в. уже испытывала начало разложенія своего политическаго строя. Княжество это раздробилось на удѣлы, князья Смоленскіе утратили прежнія доблести рода Ростиславичей, Литовцы

распоряжались въ ихъ земляхъ, какъ дома. Начинается бѣгство Смоленскихъ князей и ихъ служилыхъ людей и бояръ на Русь—къ Москвѣ, Ярославлю, Твери. *) Замѣчательно, что единственное упоминаніе объ Андреѣ Кобылѣ относится къ женитьбѣ Симеона Гордаго на дочери Тверскаго князя Всеволода Александровича, Маріи (1346 г.). Симеонъ послалъ за невѣстой въ Тверь двухъ бояръ: Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокаго,—конечно, какъ болѣе знакомыхъ съ Тверскимъ дворомъ, его людьми и обычаями. Смоляне же были сосѣдями Твери, и Ржевъ былъ раньше городомъ Смоленской земли. Въ Смоленскѣ постоянно проживали и имѣли свои дома гостинные люди—«тферичи»..

Впрочемъ, здѣсь возможны лишь одни гаданія и предположенія, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ данныхъ является больше, и въ нихъ яснѣе проглядываетъ связь потомковъ Андрея съ Смоленской землей.

Сынъ Андрея,**) Θедоръ Андреевичъ, носитъ прозваніе «Кошка». Фамилія эта—Западно-Русская. Въ Малороссійскомъ произношеніи она звучитъ «Кишка». Съ такой фамиліей извѣстны слѣдующія три лица: Станиславъ Кишка былъ намѣстникомъ Смоленскимъ и посломъ отъ Александра Литовскаго къ Іоанну III (1499 г.). Въ 1527 г. встрѣчаемъ Петра Кишку воеводой Полоцкимъ. Въ 1601 г. былъ убитъ въ Швеціи Запорожскій гетманъ Самойло Кошка (Кишка). Встрѣчается Уніатскій митрополитъ Кишка, приводившій православныхъ въ унію въ воеводствахъ Литовскихъ. Все это въ связи съ другими обстоятельствами, указываемыми ниже, даетъ важную нить въ розысканіи корней дома Романовыхъ.

Сынъ Θедора Кошки, Иванъ Кошка (и Кошкинъ), подписался на второй духовной Дмитрія Донского (1389 г.). Не смотря на свою молодость, онъ былъ главнымъ совѣтникомъ Василія 1-го, какъ это видно изъ письма къ князю

*) Примѣръ—Даниловы, потомки Смоленскихъ князей, служившихъ у нѣмцевъ, пріѣхавшіе на службу къ Ивану Калитѣ въ Москву. (Соловьевъ II, 351).

**) У Андрея Кобылы были сыновья: 1) Семенъ Жеребецъ, отъ него пошли Ладыгины и Коновницыны; 2) Елка, отъ него—Колычевы, Неплюевъ и Боборыкины; 3) Василій Ивантей; 4) Гаврило Гавша, и 5) Θедоръ Кошка—прямой родоначальникъ Романовыхъ и Шереметьевыхъ.

Эдигею (1408 г.). «Добрые нравы и добрая дума, и добрыя дѣла къ Ордѣ были отъ боярина Ѳедора Кошки; добрый былъ человѣкъ; которыя были добрыя дѣла Ордынскія, и онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время отошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ казначей твой и любимецъ, старѣйшина, изъ котораго слова и думы ты не выступаешь. А отъ этой думы улусу твоему теперь разореніе, и христіане погибли. Такъ ты впередъ поступай иначе, молодыхъ не слушай, а собери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича (Квашню), Петра Константиновича, Ивана Микитича да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ и думай съ ними добрую думу» (Сол. I, 1948).

Молодые бояре, группировавшіеся вокругъ Ивана Кошки, были его же родные братья, Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Михаилъ Ѳедоровичъ, и родной племянникъ, Игнатій Семеновичъ Жеребцовъ. Кромѣ молодости, на ихъ настроеніи и совѣтахъ князю могли отразиться и ихъ происхожденіе и соотвѣтствующія ему черты характера. Смѣлая политика по отношенію къ хану, отсутствіе покорности и смиренія —это черты характера не Московской складки, а скорѣе Западно-Русской. Татарское иго слабѣе чувствовалось въ Западной Руси, и Смоленскъ не былъ покоренъ татарами...

Тѣ же молодые бояре настраивали великаго князя и противъ его тестя, Литовскаго князя Витовта. Лѣтописецъ жалуется, что во время разрыва тестя съ зятемъ «не было на Москвѣ бояръ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію» (Сол. 1, 1040). Если предположить Западно-русское происхожденіе Кошкиныхъ, то радость ихъ вполнѣ будетъ понятна: Витовтъ въ то время завладѣлъ Смоленскомъ, и родовымъ вотчинамъ Кошкиныхъ могла угрожать большая опасность; можетъ быть даже они и пострадали отъ Витовта; не даромъ въ это время въ Москву стали пріѣзжать на службу недовольные Витовтомъ Западно-русскіе и Литовскіе князья и бояре.

Кошкинымъ удалось разсорить зятя съ тестемъ, и въ 1405, 6 и 7 годахъ Московскіе полки повоевали Вязьму, Серпейскъ, Козельскъ, Дмитровецъ—все города Смоленскаго княжества. Невольно напрашивается мысль, что въ этихъ походахъ Кошкины были заинтересованы лично.

Позднѣйшія данныя подтверждаютъ, что дѣйствительно у Кошкиныхъ въ Смоленской землѣ были владѣнія, что тамъ былъ корень этого рода, и что родъ этотъ былъ великъ и знатенъ. Эти извѣстія слѣдующія: 1.) въ проѣздъ чрезъ Смоленскъ великой княжны Елены Ивановны, невѣсты Литовскаго князя Александра (въ январѣ 1495 г.), ей представлялись здѣсь знатныя боярыни; въ числѣ ихъ названа: «Ивашкова жена Кошкина, Маршалкина, вторая особа по назначенію мужей въ Смоленскѣ».

2.) Въ «Спискѣ Смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ, што имъ починили и забрали помѣстчики и украинники Великаго князя Московскаго» указывается «Рославльскаго повѣта, окольничьяго Смоленскаго, Ивана Кошкина дворъ; з церковью и съ людьми; братанича его, Ивашка Яковлевича дворъ и съ людми... Ивашка Яковлевича село Нагинское, Ивана Кошкина село Жилино (Сборникъ И. Р. И. О. т. 35-й, 446.)

3) Въ 1498 г. слуга Ивана Кошкина пограбилъ Вяземскихъ купцовъ на дорогѣ изъ Вязьмы въ Пацынь (ib. 259).

4) Въ Литовской Метрикѣ не разъ упоминается объ окольничьемъ Смоленскомъ Иванѣ Кошкинѣ. Окольничій въ Смоленскѣ былъ постояннымъ членомъ той судебно-административной «рады», которая находилась при намѣстникѣ—воеводѣ Смоленскомъ и вмѣстѣ съ нимъ вела управленіе въ Смоленской землѣ; причемъ въ составѣ этой рады онъ занималъ первое мѣсто послѣ самаго намѣстника и владыки. Окольничій выполнялъ и полицейскія функціи, въ особенности на торгу. Въ одномъ «листѣ» вел. к. Александра 1497 г. окольничему Смоленскому «Ивану Кошцѣ» вмѣняется въ обязанность штрафовать купцовъ на 20 грошей за невѣрную мѣру и уничтожать незаконное корчемство. (Любавскій «Областное дѣленіе Лит. гос.» 840).

У этого Ивана Кошки было село Охроновское въ Ивановскомъ повѣтѣ, купленное имъ въ 1497 г. съ разрѣшенія великаго князя (Люб. 269). Въ 1500 г. Иванъ Кошка былъ намѣстникомъ вел. князя на его дворѣ Молодечно (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда—Люб. 113) и тогда же получилъ отъ него «дворецъ Годутишскій въ Мемижской волости» (Виленскаго уѣзда) «до тыхъ часовъ, какъ гласитъ листъ вел. князя, поки отчину его одышчемъ отъ непріятеля наше-

го, великаго князя Московскаго (Люб. 593). Въ 1509 г. король Сигизмундъ отобралъ у Кошки дворъ Годутишки на томъ основанiи, что «тыми дей разы вжо тыи имѣнья его вси въ нашой сторонѣ» (Люб. 594).

Нѣтъ надобности, конечно, предполагать, что Иванъ Кошка, бояринъ Василiя I-го, и Иванъ Кошка, окольничiй Смоленскiй,—одно и то же лицо: этому мѣшаетъ и большой промежутокъ времени, въ которомъ упоминается Кошка (1389—1495—1509=120 лѣтъ), хотя, замѣтимъ, примѣры долголѣтiя встрѣчаются и въ наше время. Для насъ важно, что въ Смоленской землѣ существовалъ знатный родъ Кошкиныхъ.

Послѣ этого предположенiе о Смоленскомъ происхожденiи Кошкиныхъ получаетъ большую достовѣрность. Наоборотъ, если бы ихъ тамъ не встрѣчалось, это предположенiе пало бы само собою. Принимая это предположенiе за достовѣрное, мы легко можемъ объяснить всѣ выше приведенные относительно первыхъ двухъ членовъ рода Кошкиныхъ факты, сближающiе ихъ дѣятельность и интересы съ Смоленской землей.

Считать Московскихъ Кошкиныхъ родственною вѣтвью Смоленскихъ нельзя, по крайней мѣрѣ, на протяженiи 14 и 15 вѣковъ: именно Московскiе Кошкины владѣли помѣстьями въ Смоленской землѣ; здѣсь былъ ихъ корень, родовая вотчина, съ которой они всегда сохраняли связь.

Корень этотъ находился, какъ указано въ Литовской Метрикѣ, въ Рославльскомъ повѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, названiя родовыхъ гнѣздъ нашихъ древнихъ боярскихъ фамилiй обыкновенно ложатся въ основанiе ихъ фамильнаго прозвища, и наоборотъ—фамильное прозвище усвояется нерѣдко родовому владѣнiю. Такъ было и въ западной Руси. Родовое гнѣздо кн. Глинскихъ —Глинки, Жилинскихъ—Жилино, Осовицкихъ—Осовикъ и проч. У Кошкиныхъ въ Смоленской землѣ также было родовое гнѣздо, носившее названiе «Кошкино». Оно существуетъ и теперь,—это село Покровъ-Кошкино, Рославльскаго уѣзда (древн. «повѣта»), верстахъ въ 15-ти къ югу отъ города. Возлѣ села двѣ деревни, носящiя названiя «Большое и Малое Кошкино». *) Что именно здѣсь было «село

*) Здѣсь же одна долина называется „Ивашкинъ логъ“.

съ церковью» Ивана Кошки,—на это указываетъ близость къ Покрову-Кошкину мѣстъ, упоминаемыхъ вмѣстѣ съ этимъ селомъ въ «спискѣ шкодъ и кривдъ». Такъ, недалеко отъ Кошкина находится д. Бѣхово (№ 9627-й по «Списку насел. мѣст. Смол. г.), Климовская (№ 9715), Пашково (№ 9668), Жилинки (№ 9710), Князево (№ 9514), Бояркино (9564, 9576) и др. (Сб. И. Р. И. О., 35, 446).

Очевидно, отсюда Кошкины вышли на Москву и, служа тамъ, сохраняли постоянную связь со Смоленской землей. Впослѣдствіи они могли раздѣлиться на нѣсколько вѣтвей, но въ XV вѣкѣ Московскіе Кошкины представляли одно со Смоленскими. Владѣнія ихъ были разсѣяны по всей Смоленской землѣ, на что указываютъ названія старинныхъ деревень и селъ. Такъ, кромѣ села Покрова—Кошкина, въ Рославльскомъ уѣздѣ есть деревня Кошкина Буда, въ 3-хъ верстахъ отъ села. На границѣ Краснинскаго уѣзда съ Рославльскимъ, въ двухъ верстахъ отъ села Болваничъ и въ 4-хъ отъ с. Юры,—деревня Кошкино. Съ такимъ же названіемъ встрѣчается одна деревня въ Бѣльскомъ уѣздѣ (№ 1979) и двѣ въ Дорогобужскомъ (№№ 4728 и 4867). Въ «Писцовыхъ книгахъ» Волконскаго 1627 г. упоминается въ Вязьмѣ родъ Кошкиныхъ и Кошкинская улица. Въ самомъ Смоленскѣ существовалъ до недавняго времени дворянскій родъ Кошкиныхъ, и теперь существуютъ принадлежавшія имъ «Кошкинскія казармы». Съ именемъ «Захарьино» есть деревня въ 44 в. отъ Рославля, по Хиславичской военно-проселочной дорогѣ (№ 9813), и въ 42 в. отъ Рославля, въ Якимовичской волости, именно тамъ, гдѣ проходила въ древности торговая дорога изъ Вязьмы на Пацынь*). Отсюда становится яснымъ, какимъ образомъ слуга Ивана Кошкина могъ пограбить Вяземскихъ купцовъ.

Съ именемъ «Юрьево» есть деревня въ 5 в. отъ с. Кошкино. Въ Литовскую эпоху здѣсь находился «Юрьевскій станъ» или «путь» (Любавскій 275). Несомнѣнно, поэтому, часть Рославля, лежащая по дорогѣ въ этотъ станъ, называется и донынѣ «Юрьевскою горою», какъ въ Смо-

*) Объ этой дорогѣ говорилъ Іоаннъ III-й Литовскимъ посламъ: „изъ Вязьмы ѣздятъ издавна торгомъ къ Путивлю, не замая Смоленска, на Лучинъ, да на Городечно, да на Поцинь“ (Сб. И. Р. И. О. XXXV, 260).

ленскѣ называлась Молоховскою улица, выходившая на дорогу въ Молоховскій станъ.

Въ Краснинскомъ уѣздѣ есть село Юры, возлѣ него —дер. Кошкино; есть деревни: Юревичи, Юрово, Юрушки на р. Вехрѣ. Здѣсь же, на Вехрѣ, недавно было древнее село Романовское, бывшее въ Литовскую эпоху центромъ Романовской волости (Любавскій 276). Въ 5 в. отъ него д. Юрино, а въ 10-ти д. Нагишкино (древнее Нагинское, № 7877). Съ подобнымъ же названіемъ есть деревни въ Краснинскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ и т. д.

Что Смоленскіе Кошкины въ XV вѣкѣ составляли одно съ Московскими,—въ этомъ убѣждаетъ насъ личность 4-го члена въ родѣ Кошкиныхъ.

Захарій Ивановичъ Кошкинъ прямо называется въ исторіи «Смоленскимъ бояриномъ и Литовскимъ воеводою» (Сол. II, 1512, пр. 3-е). А отъ этого Захарія Ивановича и пошли Захарьины—Юрьевы—Романовы.

Захарій Ивановичъ Кошкинъ, сынъ Ивана Кошки, служилъ сначала на Москвѣ, какъ и его отецъ и дѣдъ, Ѳедоръ. Въ 1433 году онъ былъ на свадьбѣ Василія II-го и здѣсь замѣтилъ знаменитый поясъ на Василіи Юрьевичѣ Косомъ. По разсказу Никоновской лѣтописи, «и на той свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкинъ имался за поясъ у князя Василья Юрьевича Косого»; въ Архангельской лѣтописи къ этому прибавлено: «и ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою» (Сол. I, 1055, пр. 1-е.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого, въ 1445 г., встрѣчаемъ Захарія Ивановича уже на службѣ Литовскаго князя. Въ этомъ году Василій II-й послалъ двухъ татарскихъ царевичей на Литовскіе города—Вязьму, Брянскъ и др. Татары много воевали, много народу перебили и въ плѣнъ повели, пожгли Литовскую землю почти до самаго Смоленска и возвратились домой съ большой добычей. Король Казиміръ спѣшилъ отомстить и отправилъ подъ Калугу 7,000 войска подъ начальствомъ семерыхъ пановъ своихъ.

«Приходиша к Колузѣ Литва, панъ Судивой, панъ Родивилъ Осесовичъ, Андрюшка Мостиловичъ, Ябу Браловичъ, Андрей Исаковичъ, Николай Немировичъ, Захарья Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними 7000» (Никон. л., V, 195). Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою

и отошли къ Суходрову. Тутъ встрѣтили ихъ Можайцы и Боровцы и сразились. Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы потеряли 200 убитыхъ и возвратились домой (Соловьевъ I, 1104 и пр. 2-е).

Авторъ статьи о Захаріи Ивановичѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза говоритъ: «трудно сказать, насколько это извѣстіе (о присутствіи на свадьбѣ) справедливо, еще труднѣе понять лѣтописное извѣстіе о службѣ Захарія Ивановича у Литовскаго князя».

Зная о Смоленскомъ происхожденіи Кошкиныхъ, легко объяснить теперь оба лѣтописныхъ разсказа. Очевидно, Захарій Ивановичъ все время оставался Смоленскимъ помѣстнымъ владѣтелемъ, хотя и служилъ на Москвѣ. Владѣнія его, какъ «украинныя», находились между двухъ огней: то Москва имъ угрожала, то Литва. Въ продолжительный періодъ борьбы между Москвой и Литвой онѣ отходили то на ту, то на другую сторону, какъ это было потомъ съ владѣніями Смоленскаго окольничьяго Ивана Кошкина (стр. 14). Самъ Захарій Ивановичъ могъ перейти отъ Московскаго князя къ себѣ домой, на службу Литовскаго короля. Очевидно, такъ и случилось. Послѣ торжества Косого въ 1434 г. Захарій Ивановичъ, какъ приверженецъ Василія, долженъ былъ подобно другимъ *) бѣжать изъ Москвы въ свою вотчину. Тамъ онъ и остался даже тогда, когда восторжествовалъ Василій. Легко найти объясненіе этому. Василій II-й послѣ своего выкупа изъ Татарскаго плѣна въ 1445 г. сталъ принимать къ себѣ на службу татаръ и давать имъ города на кормленіе, чѣмъ бояре были весьма недовольны. Въ числѣ недовольныхъ, кромѣ бояръ, были даже гости и чернецы (Сол. I, 1066). Понятно, что возвращаться въ Москву, гдѣ заводились новые порядки, Захарію Ивановичу не было никакого разсчета **).

*) Такъ, въ Литву убѣжали шуринъ Василія и князь Оболенскій. Соловьевъ говоритъ: „мы видѣли Литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и великіе Литовскіе князья принимаютъ Московскихъ выходцевъ, какъ Московскіе принимали Литовско-русскихъ—съ честію дают имъ богатыя кормленія“ (I. 1068).

**) Его сыновья вернулись на Москву при Іоаннѣ III-мъ, когда начался непрерывный отъѣздъ Литовско-Русскихъ бояръ и князей на службу къ Московскому князю. (Сол. I, 1452).

5-й членъ рода Кошкиныхъ—Юрій Захарьевичъ Кошкинъ. Соловьевъ называетъ его потомкомъ старой знаменитой фамиліи и считаетъ сыномъ именно Захарія Ивановича, Смоленскаго боярина и Литовскаго воеводы (I, 1512, пр. 3-е). Другого, впрочемъ, мнѣнія и не существуетъ. Юрій Захарьевичъ приходится прадѣдомъ по прямой линіи патріарху Филарету. Такимъ образомъ, Смоленское происхожденіе Романовыхъ изъ предположенія, болѣе или менѣе достовѣрнаго, становится очевиднымъ фактомъ.

О Юріи Захарьевичѣ извѣстно, что въ 1485 г. онъ ходилъ походомъ въ Казань на царя Алегама, въ 1488 г. въ должности намѣстника Новгородскаго производилъ въ Новгородѣ розыскъ еретиковъ жидовствующихъ; съ 1493 г. онъ—Московскій бояринъ, въ 1500 г. взялъ у Литовскаго князя Дорогобужъ, въ 1503 г. участвовалъ въ Ведрошской битвѣ и умеръ въ 1504 г., оставивъ сыновей, которые въ отличіе отъ сыновей его брата, Якова, Кошкиныхъ—Захарьиныхъ, писались Кошкины—Захарьевы—Юрьевы. Въ средѣ бояръ Московскихъ Кошкины при Іоаннѣ Ш-мъ занимаютъ 3-е мѣсто, тогда какъ раньше они занимали здѣсь первое мѣсто. Оттѣснили ихъ потомки удѣльныхъ князей, поступившіе на службу великаго князя Московскаго, Холмскій и Щеня. Быть можетъ, Кошкинымъ повредила и служба у Литовскаго князя отца ихъ, Захарія Ивановича. Во всякомъ случаѣ Юрій не сразу уступилъ старшинство Литовскому выходцу Щенѣ-Патрикѣеву: подъ Дорогобужемъ онъ спорилъ съ нимъ за начальствованіе головнымъ полкомъ (т. е. за должность главнокомандующаго). Это былъ первый примѣръ мѣстническаго спора. Только по приказанію Іоанна Юрій принялъ командованіе сторожевымъ полкомъ и, такимъ образомъ, уступилъ Патрикѣеву славу побѣдителя на Ведроши. О Юріи Захарьевичѣ еще извѣстно, что въ бытность его намѣстникомъ Новгородскимъ къ нему присылалъ пословъ Заберезскій, намѣстникъ Полоцкій, съ тайнымъ предложеніемъ—устроить бракъ Іоанна III-го съ дочерью вел. князя Литовскаго Александра. Этотъ фактъ подтверждаетъ близость Кошкиныхъ къ Западной Руси: несомнѣнно, обращаясь къ Юрію Захарьевичу, Заберезскій руководился не столько значеніемъ (третьестепеннымъ) Юрія при Московскомъ дворѣ, сколько его происхожденіемъ, за-

падно-русскими и Литовскими связями его чрезъ Смоленскъ и смоленскихъ родичей.

Братъ Юрія, Яковъ, воевода Коломенскій, также имѣлъ весьма близкое отношеніе къ Смоленской землѣ. Съ 1500 г. онъ воевалъ съ Литвой, взялъ Брянскъ и Путивль, плѣнилъ Богдана Глинскаго, и вообще завоевалъ всю Литовскую Русь отъ Калуги и Тулы до Кіевской земли. Въ 1501 г. онъ завоевалъ Смоленскую область, а въ 1508 г. водилъ полки къ Оршѣ. Умеръ въ 1511 году (Энц. словарь Брокгауза).

6-й членъ рода Кошкиныхъ, Романъ Юрьевичъ, былъ Московскій окольничій. Его жена, Іуліанія Ѳедоровна, носитъ имя, весьма распространенное въ Западной Руси (Іуліанія, княжна Ольшанская, третья жена Витовта; Іуліанія, жена Ольгерда; Іуліанія Вяземская, убитая Юріемъ Смоленскимъ въ 1407 г. и пр.).

Братъ Романа, бояринъ и воевода Михаилъ Юрьевичъ, былъ любимцемъ Василія III-го и сохранилъ за собою второе мѣсто въ Думѣ князя. Въ 1511 году онъ ѣздилъ къ Литовскому королю съ секретнымъ порученіемъ Василія разузнать, можно ли писать тайно къ королевѣ Еленѣ (имѣвшей село возлѣ Смоленска, «село Елены»). Онъ участвовалъ при взятіи Смоленска въ 1513 г. При кончинѣ Василія онъ находился неотлучно и послѣ его смерти получилъ крестъ, которымъ Василій благословилъ сына своего Юрія.

Дочь Романа, Анастасія Романовна, 3-го февраля 1547 г. сдѣлалась женой царя Іоанна Грознаго. Такимъ образомъ, фамилія Романовыхъ, изстари бывшая самою близкою къ великокняжескому и царскому двору, всегда державшая сторону князя противъ бояръ, теперь въ другой разъ *), и еще крѣпче прежняго, породнилась съ домомъ Рюрика.

Правнучка Смоленскаго боярина, Захарія Ивановича Кошкина, Анастасія Романовна, отличавшаяся тѣлесною и душевной красотою, была страстно любима юнымъ царемъ, который во всемъ ея слушался. Благодѣтельное вліяніе ея на Іоанна признается всѣми историками безъ исключеній.

*) Ѳедоръ Кошка былъ женатъ на дочери Мих. Ал. Тверского.

Да иначе и быть не могло. Въ характерѣ и родовыхъ преданіяхъ бояръ Захарьиныхъ-Кошкиныхъ всегда было больше западно-русской мягкости, чѣмъ суздальско-московской жесткости, больше сердца, чѣмъ разсчета, больше рыцарскаго благородства, чѣмъ татарскаго «плюгавства», московскаго раболѣпства и интригантства. Здѣсь нелишне, кстати, замѣтить, что Смоленскъ, подобно Великому Новгороду, никогда не былъ покоренъ татарами, хотя впослѣдствіи, подобно ему, и платилъ имъ дань.

Черты чисто-русскаго, древне-славянскаго характера сохранились здѣсь, какъ и по всей Бѣлоруссіи, больше, чѣмъ въ великорусскихъ родахъ, не чуждыхъ примѣси финской и татарской крови. Смоленскъ всегда стоялъ ближе къ Европейскому западу, чѣмъ къ Азіатскому востоку. Начала Европейской, т. е. обще-христіанской культуры, сохранялись и проявлялись здѣсь больше, чѣмъ на Москвѣ. Идеи рыцарства, т. е. гуманности, благородства, великодушія, просвѣщенія проникали жизнь Смолянъ въ теченіе всей ихъ исторіи. Князья Смоленскіе, Мономаховичи и Ростиславичи, для лѣтописца представляются идеаломъ русскихъ князей, «мудрыхъ, рядныхъ и хоробрыхъ». Ихъ народныя прозвища «Набожный», «Благовластный», «Храбрый», „Удалой“ и др. свидѣтельствуютъ объ ихъ высокихъ достоинствахъ и талантахъ *). Въ исторіи русскаго просвѣщенія Смоленскія школы удѣльнаго періода стоятъ на первомъ мѣстѣ. Извѣстенъ князь Смоленскій Романъ, истратившій на школы все свое состояніе. Цѣлый рядъ епископовъ и клириковъ Смоленскихъ являются въ лѣтописяхъ покровителями и ревнителями просвѣщенія. Таковы епископы Лазарь и Игнатій, Іосифъ Салтанъ, Герасимъ, митрополитъ Климентъ Смолятичъ, препод. Авраамій, пресвитеръ Ѳома, его учитель Григорій, Іаковъ Мнихъ, преп. Ефремъ и др. О Климентѣ Смолятичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ «книжникъ

*) Въ письмѣ къ Іоанну IV Курбскій говоритъ: „хотя я много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя Смоленскаго, Ѳедора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть, и кровь братій своихъ пить, какъ у нѣкоторыхъ издавна ведется обычай“. Курбскій упрекаетъ Іоанна, что онъ насильственно взялъ его сестру за своего брата Владиміра, „въ этотъ вашъ издавна кровопійственный родъ“ (Сол. II; 158).

и философъ, яко же въ русской землѣ не бяшетъ». Литовско-Польское вліяніе только поддерживало такое направленіе Смоленской жизни и внесло въ него западно-европейскія начала свободы и рыцарства.

Смоленскіе бояре, конечно, проникнуты были тѣмъ же духомъ, какъ и вся Смоленская земля. Они всегда являются представителями этихъ началъ; въ переводѣ на современный языкъ,—они всегда были западниками сравнительно съ Суздальско-Московскими боярами. Образцомъ ихъ является Курбскій, потомокъ Смоленскихъ князей, наши Романовы и множество другихъ.

Въ лицѣ Грознаго домъ Рюриковичей вошелъ въ единеніе съ русскимъ народомъ въ его чистѣйшей представительницѣ Анастасіи Романовнѣ, и родъ собирателей Русской земли породнился съ родомъ послѣдующихъ устроителей ея. Какъ Смоленскъ сталъ на грани между древнею и новою Русью, связывая оба періода между собою, такъ Анастасія Романовна, кровная Смолянка, связала собой двѣ русскихъ династіи: жена послѣдняго царя—Рюриковича (Ѳедора по его характеру нельзя считать представителемъ этой династіи; правилъ не онъ, а Годуновъ) была бабкой перваго царя изъ дома Романовыхъ.

Это дало популярность новой династіи и окружило ее непререкаемымъ ореоломъ царственнаго родства и генеалогической законности.

III.

Съ перваго же царствованія правительство новой династіи обращаетъ главное вниманіе на внутреннюю дѣятельность. Начинается эпоха земскихъ соборовъ, экономическихъ и военныхъ преобразованій; изъ-за границы вызываются иностранцы (Олеарій); устраиваются греко-латинская школа (въ Чудовѣ), типографія. Вся эта преобразовательная работа, руководимая племянникомъ Анастасіи, патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, вполнѣ отвѣчала тѣмъ началамъ, которыя издревле составляли основу русской жизни, сохранялись постоянно въ Смоленской области и для уроженцевъ Смоленскихъ, бояръ Романовыхъ, были родовымъ преданіемъ. Эта работа поддерживалась и пи-

талась связью новой династіи со Смоленской землей. Связь эта одновременно существовала какъ въ семейномъ быту Романовыхъ, такъ и въ средѣ правительственныхъ органовъ новой династіи.

Еще въ древней Руси замѣчается стремленіе Московскихъ великихъ князей завязывать родственныя отношенія при помощи браковъ съ Литвою и Западной Русью. Такъ, Симеонъ Гордый былъ женатъ на племянницѣ Смоленскаго князя Іоанна Александровича, Евпраксіи, которая не любила его, за что и была отослана Симеономъ въ Смоленскъ (1345); (потомъ она вышла за Ѳедора Краснаго, князя Ѳоминскаго и Ржевскаго).

Василій І-й, какъ извѣстно, былъ женатъ на дочери Витовта, Софіи, и въ 1396 г. онъ прожилъ въ гостяхъ у тестя, въ Смоленскѣ, болѣе мѣсяца. Здѣсь, кромѣ пировъ и охоты, Василій вмѣстѣ съ Витовтомъ и пріѣхавшимъ изъ Москвы митрополитомъ всея Руси, Кипріаномъ, занимались обсужденіемъ важныхъ политическихъ и церковныхъ дѣлъ.

Софья Витовтовна съ сыномъ Юріемъ два раза пріѣзжала въ Смоленскъ къ отцу и увезла отсюда цѣнныя иконы (1398 и 1418 г.). Какъ видно, и послѣ замужества Московскія великія княгини поддерживали связи со своей родиной.

Василій II-й хотѣлъ жениться на дочери своего перваго совѣтника, боярина Ивана Дм. Всеволожскаго, человѣка ловкаго и находчиваго, ведшаго свой родъ отъ Смоленскаго князя Александра-Всеволода Глѣбовича († 1313 г.). Мать великаго князя почему-то воспротивилась этому браку (1432 г.), послѣдствіемъ чего была извѣстная борьба между Василіемъ и Шемякою.

Іоаннъ III-й выдалъ свою дочь Елену за Литовскаго князя Александра. Отсюда возникли тѣсныя сношенія между Москвой и Литвою, въ которыхъ Смоленску и Смоленской землѣ принадлежитъ весьма важная роль: по миру 1503 г. Іоаннъ вернулъ себѣ чуть не большую половину Смоленскаго княжества.

Василій III-й женился (1526) на дочери князя Василія Львовича Глинскаго, брата извѣстнаго Михаила Льво-

вича, отъѣхавшаго на службу великаго князя и способствовавшаго Василію вернуть себѣ Смоленскъ.

Хотя Михаилъ Глинскій владѣлъ, по выраженію Соловьева, почти половиною всего государства Литовскаго (иначе Литовско-Русскаго), но гнѣздо ихъ рода—село Глинки—въ Смоленской губерніи. Въ нынѣшнемъ Юхновскомъ уѣздѣ имъ принадлежали еще волости: Щательша, Судиловъ и Турье (Сб. И. Р. И. О. XXXV, 3, 74).

О вліяніи Елены на великаго князя извѣстно, что Василій очень любилъ ее, такъ что рѣшился даже ради нея обрить себѣ бороду! Ему послѣдовали бояре. (Сол. 1, 1666). Соловьевъ называетъ выборъ Василія «замѣчательнымъ, ибо, дѣйствительно, Елена, воспитанная иначе, чѣмъ тогдашнія Московскія боярышни, имѣла болѣе средствъ нравиться» (1, 1655.) Нельзя думать, чтобы вліяніе ея на князя ограничивалось лишь домашнею и семейною жизнью и не проникало въ область общей политики: какъ видно изъ дѣятельности Елены въ роли правительницы, это была женщина довольно энергичная и не робкая, сумѣвшая организовать сильную партію изъ лицъ, близкихъ къ ней.

Интересно отмѣтить, что фаворитъ ея, князь Телепневъ-Оболенскій, имѣлъ въ Вязьмѣ богатый домъ, а недалеко отъ города владѣлъ обширными помѣстьями, о которыхъ и теперь напоминаетъ село Спасъ-Телепнево. Одинъ изъ Оболенскихъ, Борисъ, еще при Іоаннѣ III былъ намѣстникомъ и воеводою Вяземскимъ («Исторія Вязьмы» Виноградова, 21). Такимъ образомъ Оболенскіе, какъ и Глинскіе, были связаны съ Еленою узами землячества.

Вообще, въ правленіе Елены и малолѣтство Грознаго первое мѣсто при дворѣ занимаютъ люди, имѣющіе тѣсную связь съ западной Русью и, въ частности, со Смоленскою землею. Эти люди борются между собою изъ за власти и выдвигаютъ впередъ своихъ земляковъ. Сначала произошла борьба между Глинскими и Оболенскими. Послѣдній взялъ верхъ. Глинскій умеръ въ тюрьмѣ, а князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій (изъ рода Кошкиныхъ)—убѣжали въ Литву (Сол. II, 7); другой Бѣльскій (Иванъ) и Андрей Шуйскій были заключены въ тюрьму. Со смертью Елены, Оболенскій палъ, и первое мѣсто при дворѣ занялъ Василій Шуйскій, бывшій воевода Смоленскій, владѣлецъ обшир-

ныхъ помѣстій въ Вяземскомъ уѣздѣ (здѣсь и донынѣ существуетъ его вотчина—село Шуйское). Съ нимъ въ борьбу вступилъ князь Бѣльскій, потомокъ Гедиминовичей, владѣвшихъ г. Бѣлымъ въ Смоленской землѣ *). Со смертью Василія Шуйскаго Бѣльскій восторжествовалъ, но не надолго. Въ 1542 г. Иванъ Шуйскій низвергъ его и занялъ первое мѣсто при дворѣ.

Шуйскій содѣйствовалъ избранію въ митрополиты новгородскаго архіепископа Макарія, съ которымъ имѣлъ давнюю связь (Сол. II, 33). Въ избраніи Макарія участвовалъ и Смоленскій еп. Гурій Заболоцкій **). Въ 1543 г. Шуйскіе пали; совѣтниками 13-лѣтняго Іоанна сдѣлались Глинскіе; митрополитъ Макарій сохранилъ свое значеніе. Онъ покровительствовалъ Смоленскому еп. Гурію, который подолгу проживалъ въ Москвѣ и, между прочимъ участвовалъ на соборѣ Стоглавомъ и при избраніи Казанскаго архіеп. Гурія. Въ 1545 г., по повелѣнію царя и митрополита, инокини Новодѣвичьяго монастыря, основаннаго за 21 годъ передъ тѣмъ въ память взятія Смоленска, подарили еп. Гурію для Смоленскаго собора драгоцѣнную плащаницу, художественно вышитую золотомъ, серебромъ и шелкомъ и украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Это вниманіе царя къ Смоленску весьма знаменательно.

Въ слѣдующемъ году царь объявилъ м. Макарію о своемъ намѣреніи жениться. По его словамъ, онъ хотѣлъ жениться на иностранкѣ, но у нихъ и вѣра и нравы другіе; а потому полагается на благословеніе отца митрополита. Выборъ царя, или точнѣе митрополита и его партіи, остановился на подходящей дѣвицѣ Анастасіи Романовнѣ Захарьиной: она и не въ московскомъ духѣ, но и не иностранка, а православная, русская. 3-го февраля 1547 г.

---

*) Родоначальникъ ихъ, Иванъ Владиміровичъ Бѣльскій, правнукъ Гедимина, владѣлъ г. Бѣлымъ. У него были сыновья: два Ивана, Семенъ и Θедоръ. Семенъ отъѣхалъ въ Москву въ 1500 г., а Θедоръ въ 1482. (Долгоруковъ „Рос. Родосл." IV, 319, пр. 1).

**) Заболоцкіе — потомки Смоленскаго князя Александра—Всеволода Глѣбовича, выѣхавшаго въ 1/2 XVI в. въ Москву. Село Заболотье, Ельн у., было ихъ родовымъ владѣніемъ. Въ Вяземскомъ уѣздѣ былъ въ XVI в. Заболоцкій станъ (писцовыя книги Калачева). Заболоцкіе—одного корня со Всеволожскими: первые выдѣлились въ XVIII колѣнѣ, а вторые въ XVI кол. отъ Рюрика (Долгоруковъ, Родословныя).

царь женился на ней, а въ іюнѣ, послѣ московскихъ пожаровъ, Глинскіе пали. Виновниками этого были Шуйскій, Темкинъ и дядя царицы, Григорій Захарьинъ (Сол. II, 42).

О вліяніи царицы Анастасіи на Іоанна и о связи ея со Смоленской землей мы уже говорили ранѣе. Въ числѣ близкихъ совѣтниковъ Іоанна въ это время, кромѣ Сильвестра и Адашева, видимъ кн. Курбскаго, потомка Смоленскихъ князей, образованнѣйшаго человѣка своего времени. Соловьевъ предполагаетъ, что, быть можетъ, одинаковая начитанность, одинаковая страсть къ книгамъ и служила прежде самою сильною связью между нимъ и царемъ (II, 156).

По смерти Анастасіи, Іоаннъ удалилъ отъ себя прежнихъ близкихъ людей и завелъ опричину. Но и въ этотъ мрачный періодъ его жизни, наиболѣе близкими къ нему являются: князь Аѳанасій Вяземскій и Борисъ Годуновъ.

Годуновы жили въ Вязьмѣ еще въ правленіе Елены. У Бориса же въ Вязьмѣ былъ богатый домъ, а въ уѣздѣ ея—обширныя вотчины, *) изъ которыхъ донынѣ существуетъ село Никольское, Ѳедоровское и дер. Годуново. Такія же вотчины были у него и въ Дорогобужскомъ уѣздѣ (Виноградовъ, 25). Въ Смоленскѣ у Бориса былъ домъ на Годуновской улицѣ (нынѣ Кадетской).

Іоаннъ женилъ своего наслѣдника Ѳедора на сестрѣ Годунова, Иринѣ. Ирина, какъ говорятъ Флетчеръ и Горсей, была способна сама имѣть вліяніе и проводить вліяніе брата.

Каково было это вліяніе, показываетъ вся дѣятельность Годунова въ качествѣ правителя и потомъ царя: онъ старался образовать Россію и сблизить ее съ западомъ.

Еще больше тяготѣніе къ Смоленску проявляется въ брачныхъ связяхъ представителей новой династіи. Уже родоначальникъ ея, патріархъ Филаретъ, былъ женатъ на Салтыковой, а Салтыковы, какъ увидимъ ниже, имѣли тѣсную связь со Смоленской землей.

---

*) Въ Писцовыхъ книгахъ Волконскаго 1594 г. за Годуновыми показаны обширныя помѣстья. (Колычевъ, т. 1-й, 575, 578). Въ малолѣтство Грознаго при пріемѣ Литовскихъ пословъ были многіе князья и дѣти боярскіе: Можайскъ (кн. Ногтевъ), Вязьма (Годуновъ). (Сол. II, 64).

Когда бракъ царя Михаила на Хлоповой *) не удался (этому браку больше всего противились мать царя и ея племянники, Салтыковы),—патріархъ Филаретъ задумалъ женить сына на иностранной принцессѣ—фактъ весьма характерный для показанія настроенія Филарета. Послѣ неудачнаго сватовства въ Даніи и Швеціи, Филаретъ поднялъ дѣло Хлоповой, но инокиня Марѳа рѣшительно воспротивилась этому браку. Тогда Филаретъ женилъ сына на княжнѣ Долгоруковой (Долгоруковы потомки Смоленскихъ князей), а послѣ ея смерти, въ тотъ же годъ (1623)—на дочери бѣднаго вяземскаго дворянина, Лукьяна Степановича Стрѣшнева.

Стрѣшневы—западно-русскаго происхожденія **). Родоначальникъ ихъ, Яковъ Стрѣшевскій, былъ стольникъ Плоцкій. Сынъ его, Димитрій, выѣхалъ въ Москву при Иванѣ Васильевичѣ ***). Степанъ Васильевичъ и Яковъ Стрѣшневъ имѣли въ 1594 г. земли въ Липицкомъ и Заболоцкомъ стану, Вяземскаго уѣзда (Калачевъ, Писцовыя книги I, 567—570).

Личность Лукьяна Степановича прекрасно очерчена въ извѣстномъ разсказѣ Ѳ. Н. Глинки: Лукьянъ пахалъ землю, когда пришли царскіе послы съ извѣстіемъ о томъ, что дочь его, бывшая прислужницей у богатой боярышни, избрана царемъ себѣ въ жены. Угостивши пословъ хлѣбомъ-солью, Лукьянъ роздалъ свое имущество на церковь и бѣдныхъ и поѣхалъ въ Москву. Живя въ царскихъ палатахъ, въ качествѣ царскаго тестя, Лукьянъ въ одной потаенной комнатѣ за перегородкой развѣсилъ по стѣнѣ свою деревенскую одежду, опояску и лапти, въ которыхъ пахалъ землю. И до самой смерти каждое утро онъ приходилъ сюда. Отдернетъ занавѣску и скажетъ: «Помни, Лукьянъ, что ты

---

*) Въ 1636 г. Осипъ Хлоповъ вмѣстѣ съ Внуковымъ—вязмичемъ и потомкомъ Смоленскихъ князей, участвовалъ въ размежеваніи земель Вяземскихъ и Польскихъ—Дорогобужскихъ съ прочими (Виноградовъ 118, пр. 1-е). Бабка Хлоповой—Желябужская едвали не Смоленскаго происхожденія. Желябужскихъ всегда встрѣчаемъ въ переговорахъ съ поляками (напр. въ смутное время и при Ордынѣ-Нащокинѣ).

**) Фамильное ихъ прозвище—отъ мѣст. Стрѣшинъ, Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губ.

***) Энц. сл. Брокгауза.

былъ прежде! не возносись надъ другими!» Иногда приводилъ сюда свою дочь—царицу и давалъ ей такое же наставленіе.

Евдокія Лукьяновна не была особою безличною, и, когда при дворѣ,—вѣроятно, не безъ вліянія п. Филарета,—возвысился князь Борисъ Репнинъ *), Евдокія, какъ только Филаретъ умеръ, сумѣла при помощи бояръ удалить его и навлечь на него опалу **).

Въ воспитатели своего сына, Алексѣя, она выбрала Морозова, западника, имѣвшаго сильное вліяніе на него. Братъ царицы, Семенъ Лукьянычъ Стрѣшневъ, былъ врагомъ Никона вмѣстѣ съ извѣстными западниками—Хитрово, Ртищевымъ, Романовымъ Никитою и Боборыкинымъ, родственникомъ Романовыхъ.

Его троюродный братъ Родіонъ Матвѣевичъ, также врагъ Никона, былъ женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Салтыковой ***). Алексѣй Михайловичъ очень любилъ его, отзывался, что онъ «не подлежитъ человѣческимъ страстямъ». (Сол. III, 617). Соловьевъ видитъ въ этомъ объясненіе того, почему царь могъ колебаться между Никономъ и его врагами, «если авторитетъ патріарха могъ перетягиваться авторитетомъ Стрѣшнева» (ibid., 618).

Отсюда слѣдуетъ заключить, что съ Стрѣшневыми, приблизившимися ко двору черезъ царицу Евдокію, усилилась при дворѣ западническая партія, что отражалось и на направленіи правительственной дѣятельности въ царствованіе Михаила Θеодоровича и его сына, не говоря уже о домашней жизни этихъ государей.

Обращаясь къ семейной жизни Алексѣя Михайловича, видимъ, что и онъ въ своемъ выборѣ слѣдуетъ традиціямъ предковъ. Такъ, первая невѣста его была дочь Рафа Все-

*) *Репнины*—отъ Репни—Оболенскаго. Михайло Репнинъ и Оболенскій Овчининъ, племянникъ извѣстнаго Телепнена—Оболенскаго, были казнены Грознымъ. Репнины имѣли помѣстья въ Вяземскомъ уѣздѣ (писц. кн. Калачева, I, 752, 753).

**) Вѣроятно, не безъ вліянія царицы, Михаилъ Θедоровичъ въ 1635 г. велѣлъ исправить и передѣлать въ Вязьмѣ соборную церковь. Въ 1641 г. царь прислалъ сюда съ собственноручной подписью Евангеліе (Виноградовъ, 61).

***) Долгоруковъ „Россійская родословная.“

воложскаго. Всеволожскіе, какъ уже сказано было, потомки удѣльныхъ князей Смоленскихъ.

Бояре обвинили Всеволожскую въ падучей болѣзни, и всѣхъ Всеволожскихъ сослали въ Сибирь по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Царь женился на Милославской *), но по смерти ея судьба снова свела его со смолянкой, именно Натальей Кирилловной Нарышкиной, имѣвшей большое вліяніе на царя не только въ домашней сферѣ, но и далеко внѣ ея.

Наталья Кирилловна была дочь Кириллы Полуектовича Нарышкина, который называется то московскимъ, то тарусскимъ дворяниномъ. Но нѣкоторыя данныя указываютъ скорѣе на смоленское происхожденіе этого рода. Прежде всего, иностранные (?) писатели производятъ этотъ родъ отъ чешскаго рода Нараши, или Нарищи, имѣвшаго во владѣніи городъ Хебъ-Эгеръ. Подобно Кошкинымъ, и Нарышкины, такимъ образомъ, идутъ на Москву съ запада, т. е. со стороны Смоленска. Если путь ихъ продолженъ до Чехіи, то это, какъ мы видѣли, обычный на Руси генеалогическій пріемъ для усиленія знатности рода.

Кирило Полуектовичъ въ 1667 году переведенъ былъ со своимъ стрѣлецкимъ полкомъ изъ Москвы въ Смоленскъ. Одно польское извѣстіе прямо называетъ царицу Наталью дочерью Смоленскаго капитана. Шакловитый однажды сказалъ царевнѣ Софьѣ, предлагая убить царицу: «Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ «лаптяхъ ходила»! (Сол. III, 810, и пр. 1-е).

Сопоставляя эти извѣстія съ данными о покровительствѣ Нарышкину Матвѣева, можно думать, что Нарышкины были бѣдные Смоленскіе дворяне. Не могла же въ Смоленскѣ «ходить въ лаптяхъ» дочь стрѣлецкаго полковника. Очевидно, бѣдная жизнь Нарышкиныхъ въ Смоленскѣ должна относиться къ болѣе раннему періоду, когда Кирило еще не былъ во главѣ стрѣлецкаго полка и даже не имѣлъ сильнаго покровителя въ лицѣ царскаго любимца.

Но для насъ важно не столько происхожденіе Натальи Кирилловны, сколько ея воспитаніе. А объ этомъ суще-

---

*) На этой свадьбѣ „у государыни въ комнатѣ были“ боярыни, жены Ив. Ник. Романова, Морозова, Лыкова и Шеина. Въ мовникахъ былъ Сем. Ив. Шеинъ (Дв. р. –I рядн. III, годъ 1648).

ствуетъ важное извѣстіе, записанное въ оффиціальныхъ документахъ со словъ 92-лѣтней старицы Смоленскаго Вознесенскаго монастыря, Серафимы Рыдванской. Записано оно въ монастырскихъ документахъ подъ 1775 годомъ (дѣло Архива Смол. Дух. Консисторіи 1775 г. п. 15-й) и повторено въ отзывѣ монастыря на требованіе Св. Синодомъ въ 1781 г. справки о монастыряхъ.

Первая игуменія этого монастыря, Ираида Куракина, родственница Смоленскаго боярина и воеводы, князя Θеодора Куракина, была вызвана въ 1663 г. Алексѣемъ Михайловичемъ изъ Оршанскаго Кутеинскаго монастыря въ возстановленный послѣ іезуитовъ Смоленскій Вознесенскій монастырь. «Она, говорится въ отзывѣ монастыря, имѣла при себѣ въ ученіи Россійской грамотѣ дочь бывшаго полковника Кирилы Полуектовича Нарышкина, которая по совершенномъ возрастѣ, по имянному повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, бывшаго тогда во вдовствѣ, взята въ Москву и учинилась его царскому Величеству супругою. И по тому случаю отъ царя Алексѣя Михайловича и государя Петра I-го означенный монастырь вознагражденъ каменнымъ строеніемъ и снабженъ ризницею и всѣмъ государевымъ иждивеніемъ, и жалована была оному монастырю вотчина». Здѣсь же приложены и грамоты царей. Сообщившая это извѣстіе Серафима Рыдванская могла быть если не современницею, то весьма близкою ко времени воспитанія царицы; притомъ же, по родству съ игуменіею Марθою Рыдванскою, современницею Петра, она могла знать объ этомъ отъ самихъ очевидцевъ.

Достовѣрность же самаго извѣстія подтверждается тѣмъ вниманіемъ, какое дѣйствительно оказывалъ Вознесенскому монастырю Алексѣй Михайловичъ и особенно Петръ Великій *). Послѣдній построилъ здѣсь величественный главный храмъ, планъ котораго былъ начертанъ самимъ царемъ. Замѣчательно событіе, послужившее поводомъ къ этому. Приводимъ разсказъ о немъ по «Исторіи Смоленска» П. Никитина.

---

*) Вниманіе къ Смоленской землѣ и къ самому Смоленску всѣхъ четырехъ царей изъ дома Романовыхъ,—вниманіе, вызывавшееся не только политическимъ его значеніемъ, но и семейными связями,—проявлялось весьма часто и замѣтно. Это—особая, довольно широкая тема.

Въ 1693 г. (вѣроятнѣе, въ 1698) Петръ прибылъ въ Смоленскъ для наказанія мятежныхъ стрѣльцовъ, изъ которыхъ, по приговору, положено было десятаго лишить жизни, а прочихъ наказать телѣсно. Виновные собраны были со всего Смоленскаго воеводства и помѣщены на площади, которая существуетъ въ Смоленскѣ и понынѣ подъ названіемъ Сѣнного верхняго рынка. Кровавое дѣйствіе должно было начаться, какъ скоро ординарецъ Петра, Измайловъ, сдѣлаетъ знакъ бѣлымъ платкомъ. Наступалъ роковой часъ казни. Площадь оглашалась рыданіями и стономъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей. Въ это время игуменья монастыря Марѳа Рыдванская, укрѣпивъ себя усердною молитвою предъ алтаремъ Божіимъ и призвавъ на помощь Того, въ чьей рукѣ сердце царево, отправилась къ государю и вошла къ нему въ комнату (царскій дворецъ стоялъ возлѣ самаго монастыря). Петръ, облокотясь на одну руку, сидѣлъ въ глубокомъ размышленіи. Милосердіе и необходимость наказанія, предписываемая законами справедливости, боролись въ его душѣ. Марѳа повергласъ къ ногамъ его. «Государь!» —сказала она, обливаясь слезами,—«небесное правосудіе дало тебѣ и силу непобѣждаемую, и благость божественную. Смягчи гнѣвъ свой, прости слабыхъ; дай новую жизнь обреченнымъ на смерть! Милосердіемъ соплетается вѣнецъ небесный, и хвалится милость на судѣ. Богъ, отецъ любви и милосердія, осѣнитъ главу твою щитомъ непобѣдимымъ». Государь, выслушавъ инокиню, воскликнулъ изъ глубины души: «Любезнѣйшая мать моя! ты отдала миръ и покой моему сердцу!» И тотчасъ приказалъ Измайлову объявить осужденнымъ, что Богъ и Государь даруютъ имъ прощеніе. Едва успѣлъ Измайловъ выговорить слова прощенія, какъ толпа возвращенныхъ къ жизни повергласъ ницъ предъ окнами квартиры милосерднаго царя, и вмѣсто вопля и стона отчаянія воздухъ огласился несвязными криками восторга и сердечной благодарности. Тогда Государь обратился къ игуменьѣ и потребовалъ, чтобы она просила для себя какого хочетъ доказательства его благоволенія. Послѣ долгихъ настояній царя, Марѳа попросила его построить въ монастырѣ каменный храмъ вмѣсто обветшавшаго стараго, что и было царемъ исполнено.

Поразительно такое отношеніе Петра къ заступничеству

Смоленской игуменьи за мятежниковъ, особенно если вспомнить, какъ рѣзко онъ впослѣдствіи отвергъ ходатайство за нихъ самого патріарха. Несомнѣнно, что причиною благоволенія царя было уваженіе къ мѣсту, гдѣ воспитывалась и обучалась его родная мать.

Время, на какое падаетъ пребываніе Натальи Кирилловны въ Вознесенскомъ монастырѣ, можно опредѣлить приблизительно. Родилась она въ 1652 году, какъ можно думать, въ Смоленскѣ, гдѣ жилъ ея отецъ *). Поступивъ на службу, онъ перешелъ въ Москву, откуда въ 1667 г. былъ переведенъ въ Смоленскъ стрѣлецкимъ головою **). Въ этотъ промежуточный періодъ службы его внѣ Смоленска дочь его Наталья и была взята на свое попеченіе игуменіей Ираидой Куракиной въ монастырь.

Въ 1667 году ей было уже 15 лѣтъ,—возрастъ, по тому времени, самый приличный для невѣсты. Быть можетъ, поэтому она и взята была другомъ Нарышкина, Матвѣевымъ, въ Москву, гдѣ въ 1671 году, т. е. 18 лѣтъ, вышла за царя Алексѣя.

Жизнь въ Смоленскѣ не могла не отразиться на вкусахъ и настроеніи юной Нарышкиной, если бы даже она не была Смолянкой по происхожденію.

Московскіе люди при встрѣчѣ съ западными уроженцами невольно подчинялись ихъ вліянію. Московскіе воеводы жаловались царю, что, какъ только ихъ ратные люди познакомятся съ королевскими (т. е. польскими и западнорусскими) людьми, тотчасъ отстаютъ отъ своихъ обычаевъ и даже вѣры, а иные уходятъ въ Литву. Что Кирило Нарышкинъ, живя въ Смоленскѣ, вполнѣ усвоилъ западническіе взгляды и привычки,—на это указываетъ извѣстіе о его дружбѣ съ Менезіемъ. Павелъ Менезій, шотландецъ родомъ, вступилъ на русскую службу въ пѣхотный полкъ Кроуфорда. Въ 1662 г. онъ усмирялъ мятежъ противъ Морозова, затѣмъ 4 года служилъ въ Смоленскѣ. Здѣсь онъ познакомился и сдружился съ Кирилой Нарышкинымъ, и

*) Ниже мы приводимъ преданіе, указывающее, что во время осады Смоленска царемъ Алексѣемъ въ 1654 г. Нарышкинъ былъ съ семействомъ въ городѣ.

**) Доп. къ акт. ист. V, 321.

это содѣйствовало его возвышенію. Въ 1667 г. *) онъ былъ командированъ въ Швецію. Въ 1668 г. ѣздилъ въ Римъ къ папѣ Клименту X и въ Венецію. Затѣмъ онъ служилъ въ Москвѣ и, пользуясь своими связями, собиралъ русскому двору черезъ Матвѣева новости изъ Западной Европы. Благодаря дружбѣ съ Нарышкиными онъ допускаемъ былъ въ дѣтскую Петра. Въ 1680 г. онъ былъ переведенъ въ Смоленскъ, и отсюда пріѣзжалъ въ Москву для участія въ переговорахъ со Шведами **).

Этихъ отрывочныхъ данныхъ достаточно, чтобы представить себѣ обстановку, въ которой протекли отрочество и юность Натальи Кирилловны, въ домѣ ея отца, въ Смоленскѣ, а потомъ у крестнаго отца, Матвѣева, въ Москвѣ.

Новымъ духомъ повѣяло во дворцѣ, когда вступила въ него царицей дочь Смоленскаго полковника. Съ ужасомъ глядѣли ревнители старины, какъ молодая царица стала показываться на улицѣ въ открытой коляскѣ, не скрывалась отъ народа, по примѣру прежнихъ царицъ, и даже сопровождала царя на охоту. Мало того: у царя завелась небывалая до тѣхъ поръ потѣха—устроенъ былъ театръ, гдѣ лицедѣи, подъ управленіемъ Ягана Готфрида Грегори, изображали исторію Эсфири и Амана, Юдифи и др. Въ своемъ Преображенскомъ и Кремлевскомъ дворцѣ царь съ царицею и царевнами спокойно смотрѣли на иноземную забаву, предпочитая ее прежнимъ шутамъ и дуракамъ. Наконецъ, въ 1672 году, на масленицѣ, во дворцѣ устроили даже балетъ («объ Орфеѣ»), а въ слѣдующемъ 1673 г. въ Москвѣ была устроена цѣлая школа драматическаго искусства! Такъ русскій царь, не обращая вниманія на вопли людей стараго закала, старался угодить вкусамъ своей юной супруги.

Вліяніе царицы простиралось и на правительственную дѣятельность царя, сдѣлавшаго теперь своими главными сотрудниками Нарышкиныхъ и Матвѣева. Высшее общество старалось подражать новымъ вкусамъ и нравамъ двора. По словамъ Соловьева, русскій языкъ въ это время запе-

*) Отсюда видно, что Нарышкинъ служилъ въ Смоленскѣ ранѣе 1667 г., если Менезій до этого года сдружился здѣсь съ нимъ.

**) Истор. Вѣстникъ, 1903 г., Августъ, 700.

стрѣлъ полонизмами; литература и школа приняли польскій или, точнѣе, западно-русскій оттѣнокъ. Все противодѣйствіе приверженцевъ старины и ненавистниковъ новыхъ обычаевъ обратилось на главныхъ представителей новаго направленія жизни—на царицу Наталью и ея родственниковъ. Въ 1676 г. царь Алексѣй скончался; на престолъ вступилъ Ѳеодоръ, и старая партія во главѣ съ Милославскими взяла верхъ. Матвѣева и Нарышкиныхъ удалили въ ссылку, а царицу Наталью съ ея сыномъ, Петромъ, уединили въ Преображенскомъ подъ неусыпнымъ надзоромъ.

Но Милославскіе были не долго въ силѣ. Царь постепенно сблизился съ своимъ постельничимъ, Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ, и учителемъ царевича Алексѣя, Алексѣемъ Лихачевымъ. Въ 1673 г. Языковъ былъ головою стряпчихъ, а въ 1679 году видимъ его при дворѣ уже въ полной силѣ. Кто онъ былъ по происхожденію,—не видно. Современники говорятъ о немъ, какъ о ловкомъ придворномъ, называютъ его «человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ—прежде площадныхъ (площадка на крыльцѣ, гдѣ собирались молодые придворные), потомъ же дворскихъ обхожденій проникателемъ».

Судя по этой чертѣ и по его родству со Смолянами, онъ былъ самъ Смолянинъ. Лихачевъ, «человѣкъ доброй совѣсти», былъ потомокъ Литовскаго шляхтича *). Обоихъ выдвинули бояре Долгорукій и Хитрово. Имъ необходимо было укрѣпить свое вліяніе на царя. Лучшимъ средствомъ къ тому было устроить бракъ царя на родственницѣ или креатурѣ фаворита.

Разсказываютъ, что однажды царь Ѳеодоръ, идя въ крестномъ ходу, увидалъ дѣвушку, которая ему весьма понравилась. Онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это—Агафья Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, **) и дьяку дано знать, чтобы не выдавалъ племян-

*) Олегъ Богуславичъ Лиховскій (Лихачъ), литовскій шляхтичъ православной вѣры, выѣхалъ изъ Литвы къ Василію II-му. Правнукъ его, Михаилъ Аѳанас. Нечай, былъ воеводою въ Лиговерѣ и Велижѣ 1576 и 1578 г.; его сынъ Иванъ—въ Ракоборѣ. Ѳедоръ Ѳед. Лихачевъ былъ думнымъ дьякомъ (1627—1640) „печатникомъ" и начальникомъ посольскаго приказа.

**) Соловьевъ Ш, 822.

ницу замужъ впредь до указа. Милославскій, увѣренный, что все это—происки Языкова и Лихачева, сталъ чернить Грушецкую и ея мать, но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой въ іюлѣ 1680 года. Она простила Милославскому его клевету и просила за него царя, но онъ уже потерялъ съ тѣхъ поръ все свое вліяніе. Языковъ, переходя изъ чина въ чинъ, вскорѣ же былъ пожалованъ въ бояре. Новые люди опять восторжествовали при дворѣ, а съ ними и новый духъ. Къ сожалѣнію, черезъ годъ молодая царица, горячо любимая супругомъ, умерла отъ родовъ (14 іюля 1681 г.). Велика была скорбь Θеодора, привязавшагося всѣмъ сердцемъ къ живой, бойкой Смолянкѣ. О вліяніи ея на царя современникъ—полякъ говоритъ слѣдующее: «Она, будучи польскаго (?) происхожденія, много добра принесла царству Московскому, уговоривъ мужа снять позорные женскіе охабни, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія; подъ ея вліяніемъ начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить; школы польскія и латинскія закладывать *); велѣно вынести изъ церквей образа, которые каждый прихожанинъ приносилъ и считалъ своими, передъ ними исключительно молился и зажигалъ свѣчи, а другимъ не позволялъ. Эти поступки хвалили люди, принадлежавшіе къ партіи царя; напротивъ, ихъ порицали приверженцы Матвѣева, говоря, что царь скоро введетъ ляцкую вѣру и, женясь на полькѣ, будетъ такъ же вести себя, какъ Димитрій Самозванецъ, женясь на Маринѣ» (Соловьевъ III, 886).

Авторъ этого извѣстія—полякъ, и потому всѣ симпатіи царицы Агафьи обращаетъ къ Польшѣ и самое ее называетъ полькой. Быть можетъ, онъ смѣшалъ двѣ вѣтви Грушецкихъ **)—православную и католическую, которыя су-

---

*) Точнѣе, по польско-латинскому образцу. Стоитъ только прочитать составленный царемъ Θеодоромъ проектъ Московской Академіи съ ея неприкосновенностью, академическимъ судомъ и самоуправленіемъ, чтобы увидѣть въ этомъ проектѣ отраженіе западническаго вліянія окружавшихъ царя людей. (Сол. III, 881—885).

**) Грушецкіе—польско-русскій дворянскій родъ. Родоначальникъ православныхъ Грушецкихъ, Матвѣй, выѣхалъ въ Москву въ концѣ XVI вѣка. Его сынъ, Илья, за осадное сидѣніе въ Москвѣ 1610 г. пожалованъ вотчиною въ Кашинскомъ уѣздѣ. Внук Семенъ Θедоровичъ былъ воеводою въ Чернавскѣ

ществовали и въ то время, и существуютъ теперь. (Къ католической вѣтви принадлежитъ современный польскій писатель Артуръ Грушецкій). Какъ извѣстно, у поляковъ всякій католикъ—полякъ, хотя среди католиковъ много чистыхъ бѣлоруссовъ и литовцевъ.

Царица Агафья была по происхожденію русская и православная. Ея отецъ былъ Смоленскій шляхтичъ *). Семенъ Ѳеодоровичъ Грушецкій одно имя котораго ясно свидѣтельствуетъ о его вѣроисповѣданіи. Сама царица Агафья, какъ говоритъ преданіе, сохраняющееся и донынѣ въ семьѣ Грушецкихъ, оказывала могущественное покровительство Смоленскому архіепископу Симеону и со вниманіемъ относилась къ нуждамъ своего родного края. По ея просьбамъ царь отпустилъ большія средства на постройку Смоленскаго собора, начатаго Симеономъ вдвое больше противъ плана и смѣты, данной царемъ Алексѣемъ.

Сначала Ѳеодоръ разгнѣвался за это на Симеона и вызвалъ его въ 1679 г. въ Москву для объясненій. Послѣ брака царя судьба Симеона сразу перемѣнилась: вмѣсто опалы на него посыпались царскія милости. Онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Смоленскаго, не смотря на сильное противодѣйствіе патріарха Іоакима. Постройка Смоленскаго собора быстро пошла впередъ. Въ этомъ дѣлѣ принимала самое близкое участіе царица **).

И послѣ смерти ея царь Ѳеодоръ, изъ благоговѣнія къ ея памяти, продолжалъ поддерживать Симеона. Въ 1681 г. 26 Августа послѣдній принималъ участіе въ погребеніи тѣла отрѣшеннаго патріарха Никона, за что получилъ отъ царя въ подарокъ лучшую митру изъ Никоновой ризницы, ***) отвергнутую патріархомъ Іоакимомъ. Въ томъ же году Симеонъ освящалъ въ присутствіи царя новую церковь въ

въ 1668 г. Эта вѣтвь Грушецкихъ внесена въ Родословныя Книги Московской, *Псковской* и Петербургской губерній. Остальныя 7 вѣтвей—*Могилевской*, Кіевской, Ковенской, Волынской и Подольской губерній. (Энц. слов. Брокгауза).

*) Шляпкинъ. „Св. Димитрій Ростовскій", 58.

**) Потомки Грушецкихъ, разсѣянные теперь по разнымъ губерніямъ Россіи (въ Ригѣ, Тулѣ, Воронежѣ и пр.), проѣзжая черезъ Смоленскъ, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ побывать въ Смоленскомъ соборѣ и помолиться за его строительницу, царицу Агафію. (Сообщ. О. В. Александровой, урожд Грушецкой).

***) Эта митра хранится въ архіерейской ризницѣ въ Смоленскѣ.

Флорищевой пустыни, присутствовалъ на соборѣ по поводу уничтоженія мѣстничества и на церковномъ соборѣ 1681—82 г., учредившемъ при Смоленскомъ митрополитѣ двухъ викарныхъ епископовъ и назначившемъ средства для ихъ содержанія.

27 Апрѣля 1682 года умеръ царь Θеодоръ, и патріархъ Іоакимъ немедленно же удалилъ Симеона изъ Москвы въ Смоленскъ, такъ что при короновании государей Петра и Іоанна, въ Іюнѣ того же года, онъ уже не присутствовалъ. Вскорѣ затѣмъ въ Смоленскъ прибылъ изъ Москвы архимандритъ Корсаковъ съ порученіемъ отъ патріарха лишить митрополита Симеона бѣлаго клобука за его будто бы любовь къ роскоши и опечатать его ризницу. Самому же Симеону приказано отправиться на смиреніе въ Троицкую Лавру, откуда онъ только черезъ два года былъ возвращенъ въ Смоленскъ *).

О царицѣ Агафьѣ существуетъ еще польское извѣстіе, приводимое г. Шляпкинымъ, будто она построила въ Смоленскѣ костелъ и школу. Очевидно, и здѣсь отразилась личность автора—поляка, старавшагося объяснить особеннымъ образомъ западническіе вкусы царя Θеодора и его супруги (если только не видѣть здѣсь смутнаго указанія на участіе царицы въ постройкѣ Смоленскаго собора).

По смерти царицы Агафьи, не оставившей потомства, царь въ концѣ того же 1681 г.,—конечно, не безъ вліянія Языкова (Сол. III, 886), женился на Марфѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, родственницѣ Языкова, доводившейся крестницей Матвѣеву, воспитателю царицы Натальи. Какъ видимъ, и на этотъ разъ царь беретъ себѣ жену все изъ той же партіи, которая раньше еще выставила изъ своей среды двухъ царицъ—Наталію и Агафію.

Первымъ дѣломъ царской невѣсты было бить челомъ жениху о своемъ крестномъ отцѣ, и въ январѣ 1682 г. Матвѣевъ **) былъ возвращенъ изъ Мезени и получилъ всѣ свои старыя вотчины, съ прибавкой новой въ Суздальскомъ уѣздѣ.

---

*) Преслѣдованіямъ Іоакима подвергся и воспитатель Θеодора, ученый монахъ—бѣлоруссъ Симеонъ Полоцкій, и ученикъ его, Сильвестръ Медвѣдевъ, укрывавшійся въ Дорогобужскомъ Бизюковомъ монастырѣ.

**) Сосланный по проискамъ Милославскихъ.

Царица Марфа усиленно хлопотала, чтобы сблизить мужа съ его мачехою, царицей Натальею, и ея дѣтьми. Отчасти она успѣла въ этомъ, добившись возвращенія изъ ссылки Матвѣева. Вмѣстѣ съ нею за царицу Наталью и за Нарышкиныхъ сильно хлопотали Апраксины, Языковъ и Лихачевы. Всѣхъ ихъ заставляла тѣснѣе сблизиться между собою угрожавшая имъ, со смертью Θеодора и воцареніемъ Іоанна, опасность гоненій со стороны старой партіи, ссылки или даже смертной казни.

Софья, Милославскіе и всѣ представители старой партіи также приготовились къ борьбѣ за свое существованіе. Перипетіи этой борьбы достаточно извѣстны. Въ концѣ концовъ старая партія была побѣждена, и сынъ Смоленской дворянки, Петръ, сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ Руси, которую онъ твердой рукой повернулъ на новый путь.

Такъ отразилось вліяніе Смоленска на Русь чрезъ семейныя связи московскихъ государей.

IV.

Вполнѣ естественно, что брачныя связи русскихъ государей прежде всего отражались на составѣ двора и выборѣ правительственныхъ лицъ. Съ новой царицей входили во дворецъ и приближались къ царю ея родители, родственники и, конечно, земляки, какъ болѣе близкіе и знакомые люди. Они становятся «въ челѣ» правительства и даютъ извѣстный тонъ и направленіе его дѣятельности.

Обращаясь къ составу правительства въ первыя четыре царствованія Дома Романовыхъ, мы видимъ въ средѣ его много лицъ западно-русскаго происхожденія, такъ или иначе связанныхъ со Смоленской землей. Это явленіе замѣчается и раньше, еще со временъ Елены Глинской и Іоанна Грознаго *). Съ нѣкоторыми изъ такихъ лицъ—назовемъ ихъ западниками—мы уже встрѣчались. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ—прежде всего сами Романовы, затѣмъ—Глинскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе, Салтыковы, Долгоруковы, Вяземскіе, Годуновы, Шереметевы, Морозовы, Шеины, Всеволожскіе, Стрѣшневы, Боборыкины, Репнины, Мат-

*) Сол. II, 1, 350, 351, 137—140.

вѣевы, Нарышкины, Хитрово, Лихачевы, Языковы и др. Назвать всѣхъ ихъ Смолянами въ тѣсномъ смыслѣ слова нельзя, да въ этомъ и нѣтъ надобности; важны отношенія ихъ къ Смоленской землѣ и вызванное этими отношеніями ихъ настроеніе, отражавшееся на ихъ правительственной дѣятельности.

Оказывается, что одни изъ этихъ лицъ происходятъ отъ Смоленскихъ или Вяземскихъ князей *), другія находятся съ ними въ родствѣ, и почти всѣ они на протяженіи XVI и XVII в. в. имѣютъ вотчины и помѣстья въ Смоленской землѣ и весьма многіе служатъ и работаютъ въ ней. На близкія ихъ связи между собою, кромѣ придворныхъ отношеній, указываютъ до нѣкоторой степени и ихъ брачныя отношенія. Такъ, Димитрій Бѣльскій (внукъ Ивана, владѣвшаго г. Бѣлымъ, и сынъ Ѳедора Ивановича, выѣхавшаго въ Москву въ 1482 г.) выдалъ свою дочь за Якова Морозова; его сынъ женился на Шуйской, а внукъ на Захарьиной. Оболенскіе связаны браками съ Заболоцкими, Долгоруковыми и Морозовыми; Всеволожскіе—Заболоцкіе—съ Оболенскими, Морозовыми и Патрикѣевыми (Гедиминовичами); Романовы и Стрѣшневы—съ Салтыковыми; Пушкины—съ Салтыковыми, Шереметевыми, Грибоѣдовыми, Воейковыми и проч. (Долгоруковъ: «Рос. родословная»).

Едва-ли эти связи—случайное явленіе; естественнѣе всего ихъ можно объяснить другими связями—территоріальными **) и нравственными.

---

*) Отъ Смоленскихъ князей произошли роды Заболоцкихъ и Всеволожскихъ, отъ Вяземскихъ—Долгоруковы, Внуковы; отъ Кобылиныхъ—Кошкины—Захарьины—Юрьевы—Романовы, Шереметевы, Ладыгины, Боборыкины; отъ Стрѣшневыхъ—Глѣбовы, Стрѣшневы; отъ Глѣбовыхъ—Чепчуговы; отъ Салтыковыхъ—Морозовы, Шеины; отъ Оболенскихъ—Телепневы, Репнины и проч. Долгоруковъ „Рос. Родословныя").

**) Въ „Писцовыхъ книгахъ" Волынскаго 1594 г., обнимающихъ одинъ только Вяземскій уѣздъ; Черницова, 1668 г., обнимающихъ часть Дорогобужскаго уѣзда, и въ „Дѣлѣ Смол. Консисторіи" 1774 г. № 15-й, съ описаніемъ церквей Смол. Епархіи и указаніемъ ихъ строителей за 17-й и 18-й вѣкъ,—встрѣчается много историческихъ фамилій, владѣвшихъ здѣсь помѣстьями. Приводимъ списокъ наиболѣе выдающихся: Боборыкины (с. Казулино Б. у.), Буйносовы, Булгаковы, Бутурлины (Вяз. у.), Бѣльскіе, Вельяминовы, Воейковы, Волынскіе, Вяземскіе, Голицыны, Годуновы, Гагарины, Грибоѣдовы, Глинскіе, Головкины, Головины, Долгорукіе, Загрядскіе, Засѣкины, Жеребцовы, Истлень-

Въ придворной средѣ представители этихъ фамилій занимаютъ высшее положеніе, особенно когда, при помощи судьбы или интригъ, ихъ родственницы становятся царицами. Во взаимныхъ отношеніяхъ они поддерживаютъ другъ друга, выдвигаютъ впередъ своихъ родственниковъ и земляковъ, но нерѣдко, какъ мы видѣли и борются между собою изъ за вліянія на царя и первенство при дворѣ. Въ домашней и общественной жизни, по своимъ вкусамъ, обычаямъ и нравамъ, они—западники: дружатъ съ поляками, нанимаютъ для дѣтей учителей изъ поляковъ или западно-русскихъ шляхтичей, устраиваютъ домашнюю обстановку на иностранный ладъ, заводятъ у себя библіотеки и вообще стараются выглядѣть людьми образованными и свѣтскими.

Въ правительственной дѣятельности они являются сторонниками преобразованій. Соотвѣтственно ихъ способностямъ, настроенію и взглядамъ, правительство поручаетъ имъ разработку и проведеніе въ жизнь реформъ, веденіе дипломатическихъ переговоровъ съ Польшей, Литвой и Западно-Европейскими государствами; предоставляетъ имъ такія отвѣтственныя должности, какъ должность «печатника», или канцлера (государевой печати «оберегателя»), начальника посольскаго приказа (министра иностранныхъ дѣлъ) и пр.; наконецъ возлагаетъ на нихъ командованіе полками въ войнахъ съ Польшей и шведами *). Словомъ, на нихъ держится вся преобразовательная работа правительства новой династіи.

евы, Кобылины, Кошкины, Квашнины, Кикины, Коробановы, Ладыгины, Лопухины, Лыковы, Лобановы, Лихачевы, Львовы, Мещерскіе, Мицкіе, Морозовы, Нарышкины (Рубихино Юхн. и Тешутинъ Сыч. у.), Озеровы, Огаревы, Осорьины, Оболенскіе, Панины, Плещеевы, Пушкины, Ртищевы, Романовы, Рѣпнины, Ромодановскіе, Стрѣшневы, Сабуровы, Салтыковы, Татищевы, Телепневы, Урусовы, Хитрово, Хилковы, Циклеровы, Чебчуговы, Шереметевы, Шуйскіе, Шеины, Щербатовы, Юрьевы и др. Въ этомъ спискѣ находятся почти всѣ лица, названныя у Соловьева въ составѣ правительства въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (II, 1295, 1308), Алексѣя Михайловича (III, 614), Ѳеодора Алексѣевича (III, 812, 822) и Петра (III, 1336).

*) Интересно прослѣдить по „Дворцовымъ Разрядамъ" Польскій походъ Алексѣя Михайловича: составъ военачальниковъ, стрѣлецкихъ головъ, воеводъ, царскихъ посланцевъ и царской свиты, такъ и пестритъ Смоленскими фамиліями (т. III, г. 1654-й).

Чтобы изобразить ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи, понадобилось бы подробно описать четыре царствованія династіи Романовыхъ.

Мы приведемъ здѣсь лишь тѣ факты, которые наиболѣе отвѣчаютъ нашей задачѣ; для этого необходимо возвратиться къ оставленному нами роду Захарьиныхъ—Юрьевыхъ—Романовыхъ.

Сынъ Романа Юрьевича и братъ царицы Анастасіи, Никита Романовичъ (7-й членъ рода), въ 1515 году велъ въ Дорогобужѣ переговоры съ послами императора Максимиліана II-го о польскихъ и литовскихъ дѣлахъ и о Ливоніи. Въ томъ же году онъ успѣшно воевалъ съ Баторіемъ и взялъ городъ Перновъ. При этомъ, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ, онъ обошелся съ жителями весьма милостиво, позволивъ имъ со всѣмъ добромъ выйти изъ города и, чего не могли тутъ захватить, взять, то послѣ. Эта черта—не московскаго, а чисто рыцарскаго, западническаго склада. Во всякомъ случаѣ поступокъ Никиты Романовича выше даже прославленнаго великодушнаго поступка Конрада III-го Гогенштауфена съ жителями города Вейзенберга.

Потомъ мы видимъ его начальникомъ пограничныхъ корпусовъ. По смерти Іоанна Грознаго онъ стоялъ во главѣ правленія *).

Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ онъ является добрымъ геніемъ русскаго царя и народа, защитникомъ его отъ козней бояръ.

Содѣйствуя развитію промышленности и торговли въ русскомъ государствѣ, онъ особенно покровительствовалъ Голландскимъ купцамъ, какъ впослѣдствіи и его великій потомокъ.

Братъ его, Даніилъ Романовичъ, въ 1588 г. воевалъ Ливонію, осаждалъ г. Нарву. Въ 1552 г. къ нему присылали посла съ письмами братья Радзивиллы и Виленскій бискупъ, прося навести государя на вѣчный миръ и прислать пословъ въ Литву.

Сынъ Никиты, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, по преданію, получилъ царскій скипертъ изъ рукъ умираю-

*) Сол. II, 537.

щаго Өеодора Іоанновича *). Въ 1590 г. онъ участвуетъ въ Шведскомъ походѣ въ качествѣ ближняго, или двороваго, воеводы при царѣ и сносится съ Литвою. Отъ природы умный, любезный и привѣтливый съ русскими и чужестранцами, любознательный и начитанный, знакомый съ латинскимъ языкомъ, онъ отличался еще своею красотою и щегольствомъ. Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ; не было въ Москвѣ мужчины красивѣе его, а щегольство его вошло въ пословицу: если хотѣли похвалить кого, то говорили: «теперь ты—совершенно Өедоръ Никитичъ». И этого блестящаго щеголя Годуновъ постригъ въ монахи!

Въ смутное время мы видимъ его въ санѣ митрополита во главѣ посольства къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. Послѣ шестимѣсячныхъ споровъ и переговоровъ съ панами, русскіе послы, за твердую защиту интересовъ Смоленска и Россіи, были арестованы и отправлены въ качествѣ плѣнниковъ прямо изъ—подъ стѣнъ Смоленска по Днѣпру въ Польшу. Дѣятельность Филарета, по возвращеніи изъ плѣна, во главѣ правительства его сына Михаила вся проникнута культурнымъ духомъ.

Филаретъ покровительствовалъ Смолянамъ и западникамъ и выдвигалъ ихъ на видъ.

Характерно, что, когда онъ задумалъ установить праздникъ въ честь Ризы Господней, то въ числѣ свидѣтелей ея чудотворной силы явилась какая-то Улита—Смолянка, которая 9 лѣтъ была съ Филаретомъ въ польскомъ плѣну и выѣхалъ оттуда на Москву вмѣстѣ съ нимъ. (Дворцовые разряды, т. II-й).

Мы видѣли уже, что жена Филарета, мать царя, была тетка Салтыковыхъ, а Салтыковы были Смоленскіе бояре. Такъ, въ 1640 г. Салтыковъ Павелъ просилъ короля Владислава о разрѣшеніи ему возстановить для богослуженія Борисоглѣбскій храмъ въ Смоленскѣ, на Смядыни. Одинъ изъ дѣятелей смутнаго времени, Иванъ Никитичъ Салтыковъ, хотѣлъ въ 1611 году вмѣстѣ съ прочими Смоленскими дворянами измѣнить Сигизмунду и уѣхать изъ его Смоленскаго лагеря въ Московскіе полки.

---

*) Сол. II, 682.

Шеинъ на допросѣ подтвердилъ Сигизмунду, что Салтыковъ, когда измѣнилъ королю, то прислалъ ему въ Смоленскъ грамоту (Сол. II, 990, 991, 992).

Салтыковы владѣли въ Дорогобужскомъ уѣздѣ Сверковыми Луками, и Сергій Салтыковъ устроилъ недалеко отъ нихъ богатый монастырь—Бизюковъ *).

Мы видѣли также, что Филаретъ женилъ сына на дочери Лукьяна Стрѣшнева, вяземскаго помѣщика. Дѣти этого Стрѣшнева и другіе родственники его извѣстны своею приверженностью къ новымъ обычаямъ.

Филаретъ же выдвинулъ и поддерживалъ до самой смерти Михайлу Борисовича Шеина, котораго связывали съ нимъ узы и землячества, и личной дружбы, возникшей на почвѣ одинаковыхъ взглядовъ и вкусовъ и закрѣпленной совмѣстнымъ пребываніемъ въ польскомъ плѣну **).

Шеины были незнатные дворяне, потомки Ивана Мороза. По одному извѣстію, они происходятъ отъ какого-то Михайлы, выѣхавшаго въ 1241 г. изъ Пруссіи. По «Родословной» же Долгорукова родъ Шеиныхъ произошелъ отъ одного изъ Салтыковыхъ, боярина Шеи, занимающаго мѣсто въ V-мъ колѣнѣ этого рода.

При Іоаннѣ III-мъ Шеинъ былъ посломъ при Крымскомъ дворѣ. Василій III-й посылалъ Юшка Шеина съ письмомъ къ своей молодой женѣ, Еленѣ Глинской (Сол. I, 1667). При Грозномъ И. Д. Шеинъ ѣздилъ въ Новгородъ искать царю невѣсту. Воевода Андрей Ивановичъ Шеинъ успѣшно велъ войну съ магистромъ Ливонскаго ордена и съ дерптскимъ бискупомъ. Окольничій и воевода, Борисъ Васильевичъ Шеинъ, въ 1579 г. геройски палъ во время стойкой обороны отъ войскъ Баторія крѣпости Сокола. Озлобленные нѣмцы, союзники Баторія, исказили его трупъ. Его сынъ, Михайло Борисовичъ, въ 1605 г. привезъ царю Борису радостное извѣстіе о побѣдѣ надъ самозванцемъ при Добрыничахъ и за то былъ возведенъ изъ чашниковъ

*) Имъ же принадлежали села: Ведроши (нынѣ Алексино Дор. у.), Барсуки, Громово, Лопатино, Княщина, Княжое, Озерище и др. „старинныя ихъ вотчины" (Дорогоб. переп. книги Чернцова (1668 г.), гл. 81 и 82) и помѣстья въ Вяз. уѣздѣ (Виноградовъ 74).

**) См. у Соловьева, Оглоблина „Правда о бояринѣ Шеинѣ", Дворцовые разряды, т. I.

прямо въ окольничіе,—чинъ, предшествующій боярству *). Въ битвѣ при Добрыничахъ онъ, по словамъ поляковъ, отличился своими подвигами и спасъ жизнь своего военачальника. Шеинъ отличался честностью и прямымъ характеромъ. По его словамъ, онъ послѣ всѣхъ присягнулъ Лжедимитрію. «Гришка сначала на него сердился, но потомъ сталъ ласковъ и звалъ на службу». Въ боярскихъ интригахъ онъ не принималъ участія: «при смерти Лжедимитрія, говорилъ онъ, я не былъ». Въ 1607 г. Шеинъ возведенъ былъ въ бояре, а въ 1609 г. является воеводою Смоленскимъ и цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ удерживаетъ Сигизмунда подъ стѣнами этого города. Твердость его изумляла поляковъ, единодушно называющихъ его Смоленскимъ Гекторомъ, рыцаремъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ онъ былъ въ плѣну въ Польшѣ и вмѣстѣ съ нимъ же вернулся оттуда въ Москву, гдѣ и занялъ видное мѣсто въ составѣ правительства царя Михаила. Въ 1631 г. онъ носилъ титулъ намѣстника Тверского.

Въ 1632 г., по выбору Филарета, онъ былъ посланъ отнимать Смоленскъ у поляковъ. Бояре ненавидѣли его и вредили ему въ этомъ походѣ всѣми способами. Наконецъ, когда въ февралѣ 1634 г. умеръ скоропостижно Филаретъ, бояре совершенно забросили Шеина, и онъ долженъ былъ сдаться королю Владиславу на капитуляцію. Его поспѣшили обвинить въ измѣнѣ и казнить (въ мартѣ того же года).

О Смоленскомъ происхожденіи Шеина, кромѣ легенды о его прусскихъ потомкахъ, кромѣ его характера, свидѣтельствуетъ и прямое указаніе одного польскаго источника, вполнѣ достовѣрнаго. Въ дневникѣ войны 1633 г. секретарь гетмана Радзивилла, Янъ Москоржовскій, сообщаетъ, что въ январѣ 1634 г. ротмистръ Комаровскій обратилъ въ пепелъ волости Шеина, лежащія возлѣ г. Бѣлаго **). Въ окрестностяхъ Бѣлаго и теперь существуютъ деревни съ названіями—Шевнинка, Шевниню.

Въ числѣ близкихъ къ Шеину лицъ видимъ Бѣлянъ. Таковъ—Андрей Дѣдешинъ, боярскій сынъ, служившій сна-

*) Оглоблинъ: „Правда о бояринѣ М. Б. Шеинѣ". (Истор. Вѣстникъ 1898 г., VI, 881).

**) „Biblioteka Krasinskich", t. XIII, 89.

чала въ русскомъ отрядѣ г. Бѣлаго. Онъ вмѣстѣ съ Измайловымъ былъ въ составѣ посольства Грознаго къ Баторію, а въ 1590 г. Смоленскій воевода Трахоніотовъ посылалъ его изъ Смоленска въ догонку за послами Сигизмунда. Дѣдешинъ, какъ извѣстно, измѣннически предалъ Смоленскъ Сигизмунду. Другой бѣлянинъ, мѣщанинъ Бѣлавинъ, большой любимецъ Шеина, по словамъ поляковъ и Москвитянъ, взорвалъ порохъ подъ Смоленскимъ соборомъ въ ночь на 3-е іюня 1611 г. и самъ погибъ подъ родными развалинами.

Интересно также отмѣтить близость Шеина къ Измайлову, бывшему вторымъ воеводою при осадѣ Смоленска въ 1633 г. и вмѣстѣ съ нимъ казненному. Родъ Измайловыхъ происходитъ отъ Измаила Прокофьевича Шаина.

Многіе члены этого рода имѣютъ то или иное отношеніе къ Смоленску *). Такъ, Василій Яковлевичъ Измайловъ въ 1581 и 1582 г.г. былъ первымъ осаднымъ головою въ Смоленскѣ, въ большомъ городѣ; Степанъ Андреевичъ въ 1584 г. посыланъ въ Польшу съ освобожденными изъ Смоленска лучшими польскими людьми; Артемій Васильевичъ въ 1600 г. былъ въ Смоленскѣ головою при князѣ Долгорукомъ у строенія города; въ 1616 г. посланъ третьимъ посломъ на съѣздъ у Смоленска съ польскими послами для возстановленія мира; 4-го іюня 1632 г. былъ назначенъ въ товарищи къ Шеину подъ Смоленскъ. Въ этомъ же походѣ участвовало еще пять Измайловыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, и т. д. (см. Энциклоп. Словарь Старчевскаго).

О настроеніи Шеина и Измайлова можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Возвращаясь изъ Варшавы, Шеинъ встрѣтился въ Смоленскѣ съ кавалеромъ Новодворскимъ, однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ штурма Смоленска. Новодворскій разсказывалъ, какъ онъ бралъ, а Шеинъ,—какъ защищалъ Смоленскъ. Бывшіе противники такъ подружились здѣсь, что обмѣнялись крестами и поклялись въ вѣчной дружбѣ. Сынъ Измайлова благоговѣлъ передъ рыцарствомъ поляковъ и говорилъ не разъ: «какъ нашему московскому плюгавству тягаться съ такими храбрецами!»..

---

*) У Измайловыхъ были владѣнія въ Смоленской землѣ. Иванъ Измайловъ былъ временщикомъ у царя Василія Шуйскаго вмѣстѣ съ дьякомъ Смоляниномъ, сыномъ боярскимъ, Михайлою Бѣгичевымъ (Сол. II, 962, 963, также см. 953, 954).

Слова эти приведены въ его обвинительномъ актѣ. Они напоминаютъ позднѣйшія пренебрежительныя рѣчи, съ которыми наши западники XIX-го вѣка выступали въ полемикѣ съ своими противниками—славянофилами. Но тѣ же слова показываютъ, что Измайловъ считалъ себя непричастнымъ къ московскому плюгавству, человѣкомъ другого рода и, повидимому, не москвичемъ. Понятно, почему и Шеинъ, и Измайловъ погибли на плахѣ. Современники не сомнѣвались, что они пали жертвами ненависти и интригъ Московскихъ бояръ. Не даромъ, по словамъ одного извѣстія, когда «на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили, и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся» (Сол. II, 1211). Само правительство также, какъ видно, не вѣрило въ измѣну Шеина. По крайней мѣрѣ, Шеины не потеряли своего значенія и послѣ. Такъ, при царѣ Алексѣѣ они имѣли исключительную привиллегію поступать прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго. Сынъ казненнаго Шеина, Иванъ Михайловичъ, какъ видно изъ «Дворцовыхъ разрядовъ», занималъ въ это время при дворѣ довольно важное мѣсто. Его жена на царской свадьбѣ является въ числѣ придворныхъ боярынь въ компаніи со своими землячками—женами Ивана Никитича Романова, Ивана Морозова и Лыкова. (См. стр. 30, примѣчаніе).

Семенъ Ивановичъ Шеинъ на этой свадьбѣ былъ «въ мовникахъ». Во все царствованіе Алексѣя, Семенъ Ивановичъ на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ «вина наряжалъ», а «пить наливали» все разныя лица. Сынъ его, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, бояринъ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, правленіе Софьи и Петра, былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени и лучшимъ полководцемъ (Родосл. Долгорукова).

Когда составился заговоръ на жизнь Петра, заговорщики стали рѣшать вопросъ, кому быть царемъ, если Петра убьютъ. Соковнинъ, родной братъ извѣстныхъ боярынь, Морозовой и Урусовой, на вопросъ Цыклера — сказалъ: «Шеинъ у насъ безроденъ, одинъ у него сынъ... и человѣкъ онъ добрый». (Цыклеръ съ своей стороны намѣчалъ быть царемъ Шереметеву) *). Это извѣстіе,

*) Сол. III, 1165.

свидѣтельствуя о популярности Шеина, косвенно указываетъ и на Смоленское происхожденіе его рода: Цыклеры, подобно свойственникамъ Соковнина, Морозовымъ и Урусовымъ, были земляками Шеиныхъ.

Какъ п. Филаретъ содѣйствовалъ возвышенію Шеина, такъ послѣдній выдвинулъ при его помощи своего земляка и свойственника, Бориса Морозова, воспитателя царя Алексѣя.

По родословной Долгорукова, Морозовы произошли въ V-мъ колѣнѣ отъ Салтыковыхъ (а Шеины въ 7-мъ); по другимъ же свѣдѣніямъ, именно отъ Морозовыхъ пошли Салтыковы и Шеины, Тучковы и Козловы *).

Одинъ изъ Морозовыхъ въ царствованіе Грознаго былъ пять лѣтъ намѣстникомъ Смоленскимъ **).

За Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ въ 1650 г. значатся помѣстья въ Вяземскомъ и Серпейскомъ уѣздахъ; въ этихъ помѣстьяхъ селились литовскіе выходцы (Виноградовъ, 92).

На родство Морозова съ Шеиномъ и на близость его къ Смоленской землѣ указываетъ и слѣдующее извѣстіе. Когда, въ 1619 г., въ пустоши Песочнѣ, Вяз. уѣзда, на р. Поляновкѣ, русскіе послы договаривались съ польскими о размѣнѣ плѣнныхъ (Шеина, Филарета и др.),—Шеинъ далъ знать въ русскій станъ, чтобы бояре прислали къ нему, въ польскій станъ, «человѣка повинныхъ его—Салтыковыхъ и Морозовыхъ». Уполномоченные послы велѣли человѣку Морозовыхъ (Бориса и Глѣба Ивановичей), Поздѣю Внукову, ѣхать въ Литовскій обозъ, и здѣсь Шеинъ наказалъ ему передать боярамъ, чтобы они не медлили размѣномъ плѣнныхъ ***). Въ Вязьмѣ Филарета и Шеина встрѣчали Василій Морозовъ и Григорій Гаврилычъ Пушкинъ. (Послѣдній имѣлъ въ уѣздѣ владѣнія наряду съ Морозовыми). На родство Морозова съ Шеиномъ указываетъ, наконецъ, и фамилія предка Шеиныхъ—Ивана Мороза.

Если другъ Шеина, Филаретъ, ясно понимавшій насущныя потребности государства, выбралъ въ воспитатели юному

---

*) Энцикл. сл. Брокгауза.

**) Въ „Дворцовыхъ разрядахъ" за 1562 г. значится Мих. Як. Морозовъ воеводою въ Смоленскѣ.

***) Сол. II, 1156.

царю Морозова,—значитъ, послѣднiй вполнѣ удовлетворялъ взглядамъ и направленiю патрiарха и его партiи.

Дѣйствительно, западникъ Морозовъ началъ съ того, съ чего впослѣдствiи и Петръ Великiй: онъ сшилъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся вмѣстѣ съ ними, нѣмецкое платье. Личные вкусы Морозова достаточно извѣстны: они носили чисто западническiй характеръ, что, конечно, отражалось и на дѣятельности правительства.

Послѣ Морозова любимцемъ царя Алексѣя является Матвѣевъ. Его царь возвысилъ изъ дьячихъ дѣтей до чина стрѣлецкаго головы, а потомъ начальника Посольскаго приказа, т. е. министра иностранныхъ дѣлъ. Соловьевъ думаетъ, что сближенiе его съ царемъ произошло посредствомъ Морозова. Въ 1654 г. онъ отличился при приступѣ къ Смоленску, начальствуя отрядомъ, атаковавшимъ Днѣпровскiя ворота *). Назначенiе его на постъ начальника посольскаго приказа свидѣтельствуетъ о его знакомствѣ не только съ посольскимъ дѣломъ, но и съ поляками и западно-русской жизнью, такъ какъ въ то время главной ареной дипломатическихъ переговоровъ была Смоленская область и существеннѣйшею заботой дипломатiи—присоединенiе ея къ Россiи, устройство ея и расширенiе русскаго влiянiя на Литву и Бѣлоруссiю. Едва ли мы поэтому ошибемся, причисляя и Матвѣева къ землякамъ Шеина и Морозова. Подобно имъ, онъ отличался любовью къ новизнѣ, просвѣщенiю и преобразованiямъ. Изъ государственныхъ же дѣлъ его самое важное—присоединенiе Малороссiи, сохраненiе ея подъ державой русскаго царя и установленiе дружественныхъ отношенiй къ Польшѣ и Западнымъ государствамъ.

Матвѣевъ выдвинулъ на видное мѣсто семью Нарышкиныхъ. Существуетъ преданiе, что знакомство царя съ Нарышкиными произошло, при посредствѣ Матвѣева, еще подъ стѣнами Смоленска.

Какъ помѣщикъ—смолянинъ **), Кириллъ Нарышкинъ при приближенiи русскихъ войскъ забрался въ Смоленскъ вмѣстѣ съ женою, Анной Леонтьевною, и съ дѣтьми: Ива-

*) Дворцовые разряды 1654 г.

**) Въ нач. XVIII в у Нарышкиныхъ были вотчины—села Тешутино и Субботники, Сыч у., и Рубихино, Юхн у (Дѣло См Конс. 1774 г. № 15).

номъ и Аѳанасіемъ, да съ маленькими дочерьми: Натальею и Авдотьею. Когда въ городѣ начался голодъ, Нарышкинъ написалъ письмо своему хорошему знакомому, Матвѣеву, занимавшему въ русскомъ войскѣ должность стрѣлецкаго головы и бывшему главнымъ совѣтчикомъ царя по дѣламъ военнымъ. Нарышкинъ просилъ его обмѣнять его на нѣсколькихъ плѣнныхъ поляковъ. По докладу Матвѣева, царь согласился на это, и нѣсколько дней спустя вся семья Нарышкиныхъ была выведена изъ Смоленска и доставлена въ русскій лагерь. Здѣсь царь впервые увидалъ живую черноглазую дочь Нарышкина, которая потомъ сдѣлалась его женой.

Съ Матвѣевымъ и Нарышкиными при дворѣ утверждается вліяніе новой партіи, которая пополнялась и увеличивалась своими людьми.

Такъ, другъ Матвѣева, Морозовъ, выдвинулъ Хитрово—покровителя иностранцевъ, близкаго человѣка царя Алексѣя вмѣстѣ съ Милославскими и Стрѣшневыми (Сол. III, 811, 617). Хитрово и Долгоруковъ выдвинули Лихачева и Языкова (ib. 822).

О происхожденіи Лихачевыхъ мы уже говорили. Есть указанія и на ихъ пребываніе въ Смоленскѣ *). Такъ, въ Дорогобужскихъ писцовыхъ книгахъ Чернцова перечисляются владѣнія шляхтича Куроша, данныя ему по грамотѣ Литовскаго Великаго государя, «за приписью дьяка Максима Лихачева» (П. кн. № 151). Алексѣй Лихачевъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича (Сол. III, 823), а учителя на Москвѣ были большею частію изъ западно-русскихъ шляхтичей (Сол III, 751). Дворянинъ Лихачевъ въ 1659 г. ѣздилъ посломъ во Флоренцію, къ вел. герцогу Фердинанду Медичи (Сол. III, 540).

По мнѣнію Милославскаго, бракъ царя на Агафіи Грушецкой, племянницѣ дьяка Семена Заборовскаго, устроили Лихачевъ и Языковъ. Едва-ли Милославскій ошибался на этотъ счетъ.

Фамилія Заборовскихъ—несомнѣнно, западно-рус-

---

*) Помѣстья Лихачевыхъ въ 1594 г. въ Вяз. уѣздѣ (П. кн. Калачева, 1, 595).

скаго происхожденія*). Вмѣстѣ съ учителями, какъ видно, и дьяки шли на Москву изъ западной Руси. Такъ, первый историкъ Дома Романовыхъ, дьякъ Грибоѣдовъ, составитель Соборнаго Уложенія, былъ Смолянинъ. Грибоѣдовымъ принадлежало имѣніе Липицы въ Сычевскомъ уѣздѣ и много деревень въ Вяземскомъ уѣздѣ.

О Языковѣ нѣтъ точныхъ данныхъ, но, судя по его характеру и по тому, что у Языковыхъ были владѣнія въ Дорогобужскомъ уѣздѣ **), онъ былъ едва-ли не Смолянинъ. Вмѣстѣ съ Лихачевыми онъ поддерживалъ сторону Петра и Нарышкиныхъ.

Языковъ приблизилъ ко двору Апраксиныхъ, устроивъ второй бракъ Ѳеодора Алексѣевича на другой крестницѣ Матвѣева и своей родственницѣ, Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной. Впослѣдствіи, когда Матвѣевъ былъ въ ссылкѣ, о возвращеніи его, вмѣстѣ съ царицею Марѳой, хлопотали Апраксины, Языковъ и Лихачевы (Сол. III. 889).

Изъ другихъ бояръ, занимавшихъ видное мѣсто при царѣ Алексѣѣ, Соловьевъ называетъ Шереметевыхъ,***) Репнина Бориса Александровича,****) любимца царя Михаила; Салтыкова Петра Михайловича, любимца и ровесника царя Алексѣя; знаменитаго воеводу Юрія Долгорукова; Богдана Матв. Хитрово, Ртищева и его друга Ордына—Нащокина (III, 615—618). Изъ нихъ особенно популяренъ послѣдній. Это—человѣкъ вполнѣ новаго направленія, политическій реформаторъ, прямой предшественникъ Петра*****). Въ Смоленской землѣ, гдѣ онъ провелъ наиболѣе трудовые годы своей жизни, онъ имѣлъ богатую Порѣчскую волость, подаренную ему царемъ за Андрусовскій договоръ.

---

*) Предокъ ихъ, Дементій Заборовскій, выѣхалъ изъ Польши въ половинѣ XVI в. Семенъ Ив. Заборовскій былъ съ 1649 г. думнымъ дьякомъ, завѣдывалъ разрядомъ и монастырскимъ приказомъ, умеръ бояриномъ. Въ 1681 г. дочь его сестры, бывшей за Смоленскимъ шляхтичемъ, Семеномъ Грушецкимъ, и сдѣлалась женой Ѳеодора Алексѣевича. (Энц. Сл. Брокгауза).

**) Въ Озерищенской и Суткинской волости, №№ 4811 и 5417.

***) Ихъ—село Высокое, Сыч. у.; въ XVIII в. имъ принадлежало Побитое, Юхн. у. Другіе родичи Романовыхъ, Боборыкины, владѣли с. Козулинымъ, Бѣльск. у., Ладыгины—с. Осташево, Вяз. у. (Калачевъ I, 625).

****) Былъ Смоленскимъ воеводой (писц. кн. Чернцова, № 151). Помѣстья Репниныхъ въ Вяз. у. (П. кн. Калачева, I, 752 и пр.).

*****) См. о немъ у Соловьева, Ключевскаго и др.

Быть можетъ, воспоминаніемъ о немъ является Ордынская пустынь, на р. Ордынкѣ, въ Порѣчскомъ уѣздѣ, и д. Нащокино—въ Сыч. уѣздѣ.

Своему сыну Нащокинъ далъ западно-европейское воспитаніе, окруживъ его учителями—поляками. Не смотря на свою дружбу съ Ртищевымъ, основателемъ Андреевской школы—Академіи, а можетъ быть, отчасти и подъ вліяніемъ этой связи, Воинъ Нащокинъ убѣжалъ во Францію, къ великому огорченію отца и царя Алексѣя.

Ртищевъ, царскій постельничій, выдвинутъ былъ также Морозовымъ, и враги Морозова (Засѣцкій, Лучка Голосовъ и др.) были врагами и Ртищева. (Сол. II, 1525). Это, а также и владѣніе помѣстьями въ Вяземскомъ уѣздѣ*) даетъ возможность и Ртищевыхъ причислить къ смоленскимъ уроженцамъ.

Перечень западниковъ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ.

Въ Вязьмѣ, по писцовымъ книгамъ Волконскаго 1646 г., у него было два дома,—изъ нихъ одинъ «большой осадный» (Виноградовъ 52). Здѣсь же было много дворовъ и лавокъ его крестьянъ. Въ 1665 г. патр. Никонъ, ѣздившій въ с. Семлево встрѣчать царя, 12-го ноября служилъ въ Вязьмѣ панихиду по Никитѣ Ивановичѣ (Виноградовъ 56), у котораго онъ при жизни изрубилъ топоромъ ливрею, сдѣланную по европейскому образцу.

Вообще Никита Ивановичъ былъ охотникъ до иноземныхъ обычаевъ, второй слуга царя и любимецъ народа. Его-то ботикъ попался на глаза юному Петру и послужилъ зародышемъ славнаго русскаго флота.

Уже изъ этихъ краткихъ данныхъ можно видѣть, какая роль принадлежала Смоленску въ исторіи Новой Руси и ея династіи Романовыхъ. Роль эта состояла въ слѣдующемъ:

1) Въ переходный періодъ XVII вѣка Смоленскъ, какъ и раньше, былъ посредникомъ между Западною Европой и Москвою, ибо чрезъ него пролегала большая дорога, которою шла на Русь западно-европейская цивилизація.

*) П. Кн. Калачева I, 668. Ртищевы являются строителями многихъ церквей въ См. Епархіи (Дѣло См. Конс. 1774 г. № 15).

2) Самая династія Новой Руси, Домъ Романовыхъ—Захарьиныхъ—Кошкиныхъ, смоленскаго происхожденія.

3) Этимъ, между прочимъ, объясняется преобразовательное направленіе политики Романовыхъ, отразившее на себѣ культурныя традиціи Смоленской земли.

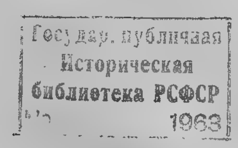
4) Дѣятельность ихъ постоянно поддерживается связью новаго правительства съ Смоленскомъ, а чрезъ него съ Западомъ. Связь эта проникала семейныя отношенія Романовыхъ, въ Домѣ которыхъ три царицы были смолянки: Евдокія Лукьяновна, Наталья Кирилловна и Агафья Семеновна. Кромѣ того, чрезъ царицу Анастасію Романовну новая династія связана со старою.

5) Проводниками политики правительства новой династіи были люди западническаго направленія и, если не всѣ, то весьма многіе, Смоленскаго происхожденія.

Такимъ образомъ древній Смоленскъ, этотъ ключъ удѣльной и Московской Руси, является съ своей исторіей ключемъ и къ пониманію исторіи Новой Руси, ея основъ, задачъ и проявленій жизни. Это значеніе Смоленска, культурное и политическое, отмѣчено всѣми изслѣдователями Русской исторіи, но недостаточно рельефно,—конечно, потому, что главное вниманіе ихъ всегда обращено на центръ государственной жизни, Москву. Изобразить это значеніе подробно, ясно и обстоятельно—задача будущаго историка Смоленской земли, который воспользуется обильнымъ матеріаломъ, до сихъ поръ лежащимъ подъ спудомъ въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ.

Тогда только Смоленску, главному городу самаго крупнаго славянскаго племени, Кривичей, центру Бѣлой, т. е. настоящей, чистой Руси,—будетъ отведено въ исторіи Россіи надлежащее мѣсто.

1904 г., 5 ноября.
Смоленскъ.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
1963

